ИРИНА ЛЕЙК
СТО
СПОСОБОВ
СБЕЖАТЬ

Ирина Лейк
Сто способов сбежать
Серия «Имена. Российская проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72333931
ISBN 978-5-389-29617-6

Аннотация

Приличные, порядочные люди живут по правилам, потому что так жили их мамы и бабушки, так принято, так положено и так проще – ведь в правилах приличных людей все определено заранее, не надо принимать никаких решений, можно строить жизнь на рельсах, проложенных поколениями, и не смотреть по сторонам.

Но что, если однажды сбиться с маршрута и сделать всего один шаг в сторону? Что, если правила окажутся никому не нужной клеткой, напрасными придуманными страхами, которые не давали тебе ни единого шанса на счастье, и ты вдруг поймешь, что так и просидела всю жизнь взаперти, когда у тебя было как минимум сто способов сбежать?

Марина – образцовая жена, мать семейства и уважаемый педагог, отправляется с мужем в хорошо спланированный долгожданный отпуск. Однако с самой первой минуты все пойдет не так ради того, чтобы ее мир в конце концов стал таким, каким он и должен был быть: ярким и счастливым. Образцовой жене,

матери семейства и уважаемому педагогу предстоит вломиться в чужой дом, оказаться на чьих-то похоронах, свалиться с горы, выяснить, что ее скучный муж – суперзвезда, спастись от погони, разоблачить опасный заговор, помочь сбыться предсказаниям старой гадалки и наконец-то понять, кто же она на самом деле.

Содержание

Часть 1 6
Часть 2 89
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Ирина Лейк
Сто способов сбежать

© И. Лейк, 2025

© Издание на русском языке, оформление. Издательство АЗБУКА®, 2025

Оформление обложки: Студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Книга создана при содействии Литературного агентства «Вимбо»

Часть 1
Бег на месте

Мир создавал не Бог. Для маленькой Марины его лепили взрослые. Это они создали мир и подробно рассказали ей, как он устроен, они знали все, и ей не в чем было сомневаться. Для всего существовали взрослые правила, они могли объяснить что угодно, дать верное решение в любой ситуации, они делали мир понятным, надежным и безопасным. Весь огромный мир – от дерматиновой двери с криво прибитой подковой до балкона с одинокой лыжей. Под небесами, выбеленными серо-белой водоэмульсионной краской, раскачивалась тарелка-люстра, а в ней вечные засохшие комары и мухи. Их выметали мокрой тряпкой, оставляя на мутном стекле разводы, но они всегда появлялись снова, сброшенные кольчуги уродливых черно-белых насекомых, оставивших в чистилище этой люстры все ненужное и улетевших в рай цветными прекрасными бабочками – так мечтала Мариночка, а она умела мечтать. К стене мира был приколочен ковер, у другой стены нелепо громоздился бесконечный шкаф-стенка, в котором пряталось главное сокровище этого мира – сервиз. Он был прекрасен и неприкосновенен, им никогда не пользовались, даже по праздникам, даже когда в мире случалась какая-нибудь огромная радость. Тогда

из буфета на кухне доставали другой сервиз, разжалованный из категории совершенств и лишенный благородного имени: он звался просто «посудой», в нем недоставало чашки, а на обратной стороне одной из тарелок нащупывался позорный предательский скол. «Сервиз-посуда» не обижался, золотился мещанскими розами, радостно демонстрировал гостям мира жареного цыпленка, картошку и салат оливье, не гнушался даже марганцовочными разводами от селедки под шубой, честно делая свою работу, в то время как волшебное сокровище оставалось нетронутым, манящим, сияющим и самым первым, что Марина увидела, появившись в этом мире: первым и самым важным ее воспоминанием. Тогда ее, совсем маленькую, носила на руках бабушка, а мимо проплывали пейзажи огромного мира: телевизор на тумбочке, гнутая облетевшая береза за окном, то ли вензеля, то ли ананасы на обоях, чеканка с длинноволосой девушкой на стене, цветочный горшок, еще один, пластинки в ряд, проигрыватель, а потом… Потом бабушка останавливалась возле стекла, за которым сияло сокровище, как-то по-особенному вздыхала и говорила: «Смотри, Мариночка, это твое приданое. Вот выйдешь замуж, и это будет твой сервиз».

Чудо не было нереальным и призрачным, это была мечта, которой суждено было сбыться. Нет, не просто суждено – эта мечта была обязана сбыться, таковы были правила мира. Самое прекрасное в нем станет твоим, когда добьешься главной цели всех женщин на земле – выйдешь замуж. Это

было важнее, престижнее и желаннее, чем выиграть Олимпиаду или полететь в космос. Это было самое главное из всех взрослых правил. Женщина должна быть замужем.

Марина никогда не сомневалась в правилах, она всегда им следовала, с момента своего появления на свет. Правила диктовали взрослые, они же создали мир, они всегда обо всем знали. «Ты девочка», – звучал их вердикт с самого начала. «Какая чудесная девочка!» – утверждали и восхищались они, и Марина понимала: надо делать все, чтобы всегда быть чудесной. Она сразу была понятливой. «Ты мамина радость» – и она старалась радовать мамочку. «Не ковыряй в носу, ты же девочка», «надевай рейтузы», «одерни юбку», «скажи „спасибо“», «поцелуй бабушку», «не сутулься», «не морщи носик», «ешь суп», «обязательно с хлебом», «надень носочки», «не капризничай», «не показывай характер!». Ах, столько их было, прекрасных правильных вечных истин, прямых, как рельсы, непоколебимых, как дорожные указатели. А как без них, как же без них? От «просыпайся и чисть зубки» до «ложись на правый бочок, закрывай глазки и спи», «на правый бочок, на правый!». Каждую минуту взрослые боги были рядом. «Надо учиться на пятерки», «надо быть умницей», – объясняли они, и Марина снова старалась, переписывала по три раза ненавистную домашнюю работу, потому что зачеркивать ошибки было нельзя, их нельзя было допускать. Они всё знали, эти мудрые взрослые, и это было так удобно, так безопасно, так правильно.

Боги берегли, наставляли и предостерегали от всех земных напастей: «обожжешься», «продует», «укачает», «упадешь», «животик заболит», «не сиди на холодном, застудишься!». Вечные голоса то за правым плечом, то за левым. Она росла, они были рядом – неусыпно, неизменно, постоянно: «Делай уроки», «слушайся взрослых», «будь послушной», «не задерживайся», «не засиживайся», «телевизор долго не смотри – заболит голова», «в потемках не читай – испортишь глазки», «не лезь в воду, ни в коем случае не лезь в воду!». Повсюду, повсюду на этом свете подстерегали риск и опасности, мир за пределами дерматиновой двери был коварен, холоден и непредсказуем, но вокруг Марины заботливо раскладывали солому и надували спасательные круги. Ей никогда не надо было делать выбор, не надо было ничего решать, за нее все решали другие, в жизни все как будто случалось само собой и только так, как надо. Она никогда не возражала, не сопротивлялась, у нее не было ни детских капризов, ни подростковых бунтов: боги водили ее за руку, надевали на нее шарф, забирали из музыкальной школы, покупали правильную одежду, кормили вкусной едой (они лучше знали, какая еда вкусная), заплетали ей волосы, говорили, когда заснуть и когда проснуться, – одним словом, они знали всё, они заранее знали всю ее жизнь. И что было спорить – эта жизнь ей нравилась. Быть хорошей девочкой, хорошо себя вести, радовать взрослых, приносить отличные оценки, поступить в педагогический, получить приличную профессию – всего-то

пройти по этому правильному, протоптанному, проложенному базальтовыми плитами векового опыта мосту, и все будет хорошо, никто не скажет про тебя дурного, никакое коварство внешнего мира ни за что тебя не проглотит. А там, впереди, в золотистых лепестках и розовом тумане будет ждать главная мечта – замужество.

Иногда боги пугали ее: «Как же так, Марина, ты не прибралась в комнате – неряху не возьмут замуж!», «Перестань плакать, Марина, на плаксе никто не женится!», «Не будешь учиться, останешься глупой, а глупых замуж не берут!». Не справиться было страшно и жутко до холодных мурашек и тошноты, но Марина очень старалась, держала спинку, не морщила носик, прибиралась в комнате, не плакала, училась изо всех сил и даже никогда не надевала юбку не через голову, потому что боялась, что кто-то неведомый расскажет об этом проступке ее будущему жениху, и тот передумает брать ее в рай, то есть замуж. Она представляла себе его холодный взгляд и категоричное «нет», и ее снова охватывал ужас, а внутри все леденело.

Но у нее получилось, она справилась, она все делала правильно, и за это судьба вознаградила ее: взрослые не обманывали, мир оказался таким, каким он и должен был быть. Марина окончила школу, поступила в педагогический, а когда ей исполнилось восемнадцать, вышла замуж и получила в приданое главное сокровище мира – тот самый сервиз. Да только, вот беда, на его счет она не знала никаких правил, в

ее мире он всегда стоял за стеклом, и до него никто не смел даже дотронуться. Оказавшись в своем новом доме, Марина тщательно перемыла все тарелки, чашки, селедочницы и супницу и аккуратно разместила старинный сервиз за стеклом в новом шкафу. Она не знала, как с ним еще поступить. Реликвию полагалось поставить в шкаф, и так она и сделала. Всю ее замужнюю жизнь он простоял за стеклом – прекрасный, манящий и недоступный, выстроенный в идеальную композицию вокруг пузатой супницы, ни разу не видавшей ни капли супа.

Спустя двадцать пять лет Марина Витальевна распахнула стеклянную дверцу, достала из шкафа безупречную тарелку с золотой кружевной каймой и прелестными пастушками, хорошенько размахнулась и грохнула тарелку об пол. А затем всего за каких-то двадцать минут перебила все до одной тарелки, салатники, селедочницы и чашки. Последней на гору осколков обрушилась пузатая супница.

За три месяца до разбитого сервиза

– Ты хочешь, чтобы мы с папой влезли в чужой дом? Ты с ума сошла? Еще не хватало, Катя! Слушать тебя не хочу. Что ты сказала? Нет, тебе не пора! Катя! Катя? Нет, ну ты представляешь, она отключилась и не отвечает теперь. Алеша? Ты слышишь? Наша дочь хочет, чтобы мы вломились в дом к совершенно посторонним людям! Алеша?!

* * *

Алексею Дмитриевичу, супругу Марины Витальевны, на прошлой неделе исполнилось сорок пять. Не пятьдесят, но все равно почти рубеж, почти вершина горы. Однако поступать «как все приличные люди» в городе: заказывать в грузинском ресторане стол, созывать на день рождения важных людей с работы, близких друзей, родственников до седьмого колена, не важных людей с работы, соседей, не близких друзей, бывших соседей и всех подряд, лишь бы никто не обиделся, – он наотрез отказался, вызвав тем самым долгое негодование Марининой бабушки. Он, видите ли, захотел в путешествие. Они с Мариной, видите ли, никогда нигде толком не были. А как же свадебное путешествие в Гагры? А ежегодные поездки в Анапу с маленькой Катей? А Крым, в конце концов?

Алеша был сыном маминой подруги, и в другой истории это было бы банальностью из анекдотов, но в Маринином мире это было правильно, и иначе просто не могло быть. В этом мире все должно быть исключительно правильным, то есть выстроенным по правилам приличных людей. Маленькая Марина всегда мечтала об одном – стать невестой, выйти замуж, и этот «замуж» в ее голове постепенно превратился в тот самый рай, о котором рассказывала бабушка, когда

они ходили в церковь ставить свечки. Слово, похожее сразу на все самое яркое, восхитительное и вкусное в Марининой жизни: на мультики про принцесс, на то, как кружится голова, когда катаешься в парке на карусели, и на праздничный торт в холодильнике – как он стоит на верхней полке, а ты приоткрываешь дверцу, чтобы посмотреть на него снизу вверх. Призрачный, но вполне реальный остров мечты, куда попадали самые хорошие девочки. Она, разумеется, знала, что для этого ей непременно понадобится жених, то есть будущий муж, но этот вопрос почему-то казался Марине сугубо второстепенным. Мимо время от времени проносились принцы на непрактичных белых конях, бряцали сверкающими забралами заезжие неблагонадежные рыцари, но при этом поблизости всегда был Алеша. Сын маминой подруги, хороший мальчик. Добрый, умный и милый. Всегда рядом. Как собака. Алеша был старше ее на три года, но никогда не ехидничал, не дразнил и не дергал за волосы. Не досаждал, не мешал, был себе и был, само собой, всегда и везде, все праздники, все выходные и даже каникулы – родители дружили, и Марина с Алешей хихикали под столом во время семейных торжеств, носились по лесу, когда взрослые выезжали на пикники, смотрели страшные фильмы, прижавшись друг к дружке на диване, таскали с кухни сладости и строили палатки из стульев и одеял. Он рассказывал ей истории, дул на коленки, если она падала, а в школе она както раз примчалась к нему на перемене, когда у нее прямо

перед торжественной линейкой развязался бант. Алеша тогда ужасно покраснел и даже рассердился, его репутация в глазах одноклассников опасно покачнулась, но бант Марине он все-таки завязал. Она была кроха, ей было семь, а ему целых десять. Но он все равно был Алеша. Хороший мальчик. Мальчик как имя. Имя как пастила – вроде воздушное, но при этом какое-то липкое. Когда Марине исполнилось восемнадцать, он вернулся из армии и пошел учиться, то есть доучиваться. Тетя Люся, мамина подруга, с гордостью сообщала знакомым название специальности: «технолог пищевого производства», все одобрительно складывали губы куриными гузками и кивали – хорошо, правильно, надежно, работу всегда найдет, голодным не останется. Серьезный конфуз с этим правильным мальчиком случился только однажды, когда он заявил родителям, что после учебы пойдет работать технологом на ликеро-водочный завод. Всклокоченная тетя Люся в панике прибежала домой к Марининой маме советоваться, и Маринина бабушка мгновенно вынесла вердикт: «Ни в коем случае! Сопьется!» Все было решено. Никто не стал спорить и доказывать, что трудовой коллектив ликеро-водочного вовсе не на сто процентов опустившиеся алкоголики. Взрослые ведь знали, как лучше. Лихо не нужно будить, в полымя не стоит залезать, семь раз отмерь и поймешь, что резать совсем необязательно. Алеша женился на Мариночке и отправился работать на молкомбинат, в безопасный мир кефиров, «снежков» и простокваши. Правда,

всевидящая и зорко бдящая бабушка пыталась и тут предупредить Марину об опасности: на молкомбинате было полно девиц, Алешу могли запросто «схватить и захомутать», но этот риск был пустым местом по сравнению с заклятием «сопьется». Да и хватать и хомутать Алешу никто никогда особо не рвался. Он был хорошим, тихим и приторным. Как фруктовый кефир. Таких не любят девушки, такие мальчики нравятся только маминым подругам и их мамам. Зимой он носил подштанники и утепленные ботинки с супинаторами, а летом сандалии и хлопчатобумажные носки, причесывался на пробор и стригся всегда у одной и той же парикмахерши, седовласой тетки в очках с толстыми стеклами, к которой его отвела еще в детстве мама. Она всегда спрашивала: «Височки оставляем?» Он боялся возразить, и височки оставались – мама смотрела на него с восторгом и умилением и говорила, что так он немного похож на дедушку.

Марина никогда не задавалась вопросом, почему она вышла замуж за Алешу. Она не делала выбор, она вообще никогда не принимала решений, за нее всегда все решали взрослые боги или правила приличных людей. Она выходила замуж и получала пропуск в тот самый рай, а еще – статус невесты и жены, платье – взбитое облако – и золотое колечко на пальчик. То, что там, на волшебном острове замужества, непременно должен был оказаться еще и муж, она воспринимала как неизбежное неудобство, так что ее вполне устроило, что ее мужем стал не посторонний, чужой человек, а свой

Алеша. Он же и так был всегда – хороший, добрый, смешной и удобный. Конечно, она влюблялась в артистов и однажды даже в преподавателя музыки, но влюбленность и замужество почему-то не складывались у нее в одну корзинку. Влюбляться было как-то неправильно, легкомысленно и не очень прилично, а вот выйти замуж за кого-то хорошего, порядочного, того, кто нравился бы всем вокруг – это было как раз по правилам приличных людей.

Им с Алешей было хорошо в этом браке, они как будто продолжали играть дальше, как раньше, только теперь в женатых взрослых людей. А когда родилась Катя, то в дочки-матери. Рядом по-прежнему были взрослые боги, которые приглядывали, присматривали и говорили, как лучше. Это была очень понятная правильная жизнь. Мечта сбылась, но только иногда Марине почему-то казалось, что торт при этом так и остался в холодильнике, а карусель никуда не поехала…

Секс тоже был немного похож на игры в детском саду, когда за верандой за конфету можно посмотреть на чужую письку. Теперь Алешина писька стала законной разрешенной территорией, и Марина в первые недели после свадьбы очень долго рассматривала, как все это там устроено, и что к чему прикрепляется. Алеша разрешил, хотя сначала стеснялся, смеялся и отбивался, но потом сдался под напором ее любопытства. Разумеется, она вышла замуж девственницей и, разумеется, никогда не смотрела никаких порнофильмов.

Порядочные люди не мараются подобной гадостью, объяснили мама и бабушка, так что и в статусе замужней дамы у Марины осталось много вопросов относительно мужской анатомии. Алеша терпеливо и подробно ответил на все. Даже когда Марина спросила про размер и форму. Он сделал очень серьезное лицо и объяснил ей, что именно эти органы у всех мужчин абсолютно одинаковые. И по форме, и по размеру, и по функциональности. Так что искать чего-то другого у кого-то другого не имеет никакого смысла. Марину это очень устроило, она не искала ни подтверждений, ни опровержений. Идти к своим взрослым богам с вопросами о сексе ей было неловко, так что она полностью доверилась мужу. Так было правильно. Так все и было. Почти двадцать пять лет.

* * *

– Что случилось? В какой чужой дом? Кто к кому должен вломиться?

– Мы с тобой. Должны вломиться в дом к совершенно посторонним людям. Скажи спасибо своей дочери.

– Но она…

– Да-да, она прекрасно все организовала, я уже слышала.

– Но она ведь все прекрасно и организовала. Все-таки другая страна, а она и билеты, и жилье…

– Вот именно! Другая страна и жилье! Мы ничего там не знаем, а у нее никакой конкретики, никаких точных данных.

Что значит – мы приедем, а хозяев не будет дома? Это что, сейчас на Западе такое легкомыслие процветает? Заходи, бери, что хочешь? Коммунизм? Или что? И вообще, это как-то неприлично. Не гостеприимно!

– Марина, нас же не в гости пригласили. То есть нас, конечно, пригласили в гости, но мы с тобой сто раз обсудили маршрут. Мы прилетаем в Брюссель, нас встретит мой знакомый, поможет нам с машиной, и мы сразу поедем во Францию, в Бургундию, на виноградники. По дороге остановимся на пару дней в деревне, в провинции, походим, отдохнем, посмотрим, я узнаю побольше про поммо для работы, а ты попрактикуешь английский.

– Я вообще не уверена, что там говорят по-английски. Или говорят кое-как. Кто их там учит! Там одно сельское хозяйство развито, я читала.

– Побудем пару дней в пансионе, сами себе хозяева, а потом двинемся дальше.

– Подожди со своим дальше! Что это за пансион? Как это так люди оставляют свой дом чужим туристам? И ключ! Ключ под цветочным горшком? Вы серьезно? Да Катю просто кто-то обманул, а мы и поверили!

* * *

Лет двадцать все было на редкость спокойно и гладко – Алеша работал на молкомбинате, Марина преподавала ан-

глийский язык в средней школе. У них был слаженный коллектив, где все относились друг к другу с уважением. Так говорила сама Марина – она искренне так считала. Потому что так говорили ее родители и ее бабушка: «Школа, конечно, не лучшая в городе, но зато какой прекрасный коллектив! И к Мариночке все относятся с таким уважением». «*С таким уважением*»,– отзывалось приятным эхом у Марины в ушах, и она потом носила его с собой еще несколько дней с вспыхнувшей гордостью и готовностью сворачивать горы. *С уважением. С уважением.* Бабушка нечасто ее хвалила, хвалить – означало портить. У ребенка, которого хвалят, были огромные шансы вырасти эгоистом, а это, конечно, чудовищно. Поэтому в детстве Мариночка получала похвалу очень редко, по крошке, а когда пыталась ее выпрашивать, например, задавая маме вопрос: «Скажи, я красивая?» – слышала в ответ от силы скупое «Как все». Это было правильное воспитание, как у всех. Хвалить, конечно же, в меру можно было только за труд, потому что все и всегда, всю свою жизнь обязаны были трудиться. Видимо, ради этого самого труда, потому что о богатстве и достатке речь никогда не шла – все богатые автоматически считались жуликами. Так что взрослая Марина гордо трудилась в средней во всех отношениях школе и получала за это, разумеется, среднюю зарплату.

Каждый год в мае Марина Витальевна приносила домой к родителям распечатанную в формате А4 парадную фотогра-

фию их слаженного трудового коллектива, мама и бабушка надевали очки и с аппетитом принимались рассматривать: кто что надел, кто похудел, кто растолстел, кто развелся, кого позавчера как раз встретили на рынке, у кого дети поступили учиться, кто сделал завивку, кто купил в кредит машину.

А вот эта, это же она, да-да, ай-ай, не уследила за мужем, да-да, с продавщицей, она соседка их по даче, а вот она же зачем в одном и том же костюме фотографируется, да нет, да-да, Мариночка, ну-ка принеси прошлогоднюю фотографию, ой да, да точно, и волосы уже сто лет никто так не носит, а это кто, новенькая, надо же, и что, не замужем, подозрительно, вдруг погуливает, нет, а кто говорит, а кто проверял, тогда ладно, все-таки школа, нужно следить за моралью, все-таки учителя, ой, а эта, глянь, правда, говорят, выпивает, нет, а как же, почему говорят, да точно, а еще потом забыла в гардеробе шубу, так и пошла, мороз, ну ты представляешь, разговоров было потом на весь город, а как ни в чем не бывало, как будто так и надо, ты посмотри, а вот, глянь, да-а-а, очень хорошая, очень, и мать ее была хорошая, просто красавица, просто умница, так неудачно замуж вышла, да нет, да-да, да не она, а я говорю, она, Мариночка, глянь, она ведь, да, она, отец ее еще поехал тогда в Москву на заработки, под поезд попал, да, под поезд, в метро, ну что, да никто не рассказывает страсти, просто надо осторожней, зачем надо было ехать, там миллионы народу, миллионы, кто там нас ждет, и все в метро, все под

землю лезут, и чего там хорошего ждать, а почему химик так выглядит, а это не он, ой точно, ой, прости господи, да хватит смеяться, Таня, до икоты прямо, зачем же она так подстриглась, Мариночка, вот мы и перепутали, а тут кто стоит, а она разве вышла из декрета, и как так, ребенка в полтора года в ясли, вот безответственность какая, легкомысленность какая, что вырастет потом, будут локти кусать, а все, поздно, поезд ушел, да не в метро, вот нашла, про что шутить, а завуч эта ваша, как у нее с ногой-то, Марина, глянь, не хромает уже, да, ну хорошо, а говорили, так и останется, а выправилась, ну и ладно, молодец, но не надо ей зеленый, бледнит, очень бледнит, краше в гроб кладут, да не каркаю, я же не глазливая, а это Ангелина, точно, мед мы у них покупали, помнишь, она еще говорила, липовый, никакой не липовый, хороший – да, но не липовый, а вот, смотри, я ее еще маленькую помню, у них с Мариночкой одинаковые пальтишки были, нет, не она, ну, значит, перепутала, а с кем же были пальтишки одинаковые…

Так могло продолжаться часами. «Да что там часами, пусть бы это было всегда», – думала Марина, отдавала им на растерзание фотографию, сама садилась на кресло рядом или ложилась на диван, закрывала глаза и снова становилась маленькой, и ее покачивало, уносило куда-то бесконечным потоком их слов, они сыпались снегом сверху, выскакивали откуда-то сбоку, убаюкивали ее, как в гамаке, и было тепло,

и она улыбалась. Ей не надо было вырастать, не надо было принимать решений. Она была тут, боги шелестели рядом, все было хорошо и правильно, и папа приносил плед, она поджимала под себя ноги и дремала, а потом за ней заезжал после работы Алеша, и все садились пить чай. Она очень любила эти чаепития, это было так правильно, пока однажды не грянул гром.

Разговор затеяла, конечно, бабушка, главная богиня мира, строгая, справедливая, незыблемая, матриарх с великой миссией: оберегать своих близких от бед. Предчувствовать беды и не допускать их любыми способами – вот в чем было ее предназначение. Собственно, предчувствие бед было основным состоянием бабушки, вроде анабиоза у ящериц, и она впадала в это состояние все чаще, оно захватило все ее мысли, поглощало любые проблески радости или просто благостного настроения. Дурные предчувствия окружали ее густой темной аурой, которая затягивала окружающих при малейшем их приближении. С самого детства Марина помнила все эти «не ходи», «не бери», «не говори», «не трогай» и «не вздумай». Стоило кому-то захотеть сделать необдуманный шаг, как перед ним тут же вырастал бетонный забор с колючей проволокой, искрил смертельной дозой электричества и норовил сбросить на голову обломок каменной плиты. Незачем ходить на день рождения с подружкой в кафе – там могут подсыпать отраву, вон как племяннице сестры соседкиного брата. Не надо покупать платья из синтетики, а уж тем более

белье – кожа должна дышать, не то будут струпья, варикоз и витилиго, я читала, да, читала, не спорь. Не стриги волосы на закате, денег не будет, а то и мужа, примета, далеко ходить не надо – посмотри на внучку тети Таи. Примеров для подкрепления бабушкиных предостережений находилось в избытке, прием работал безотказно. Марина всю жизнь с содроганием вспоминала, как в детстве бабушка, разумеется, в благородных воспитательных целях в жутких деталях рассказывала ей о тотальных ошибках и их последствиях для людей, выносивших по вечерам мусор, оставлявших на столе ключи, ходивших в одной тапке и легкомысленно польстившихся на чье-то угощение. Предупредить беду – значило хорошенько напугать. Ни разу за всю свою жизнь Марина не перешла дорогу на красный свет, каждый раз застывая как вкопанная, оказавшись у светофора, где ее словно сковывал паралич. В детстве бабушка, чтобы преподать внучке урок правильного поведения на дороге, сводила ее на похороны маленькой девочки, которую сбила машина. Гроб был открыт, погибшая девочка была похожа на куклу из мягкого розового пластика, правила дорожного движения впечатались в Маринину голову надежнее, чем «Отче наш». Розовых пластиковых кукол она с тех пор боялась до паники.

Огромной радостью для бабушки служили неприятности, случившиеся с другими людьми в то время, как она силой своего предчувствия и талантом убеждения отвела эти беды от родных и близких. Хорошо, что зять Виталий не пошел в

гаражи – третьего дня там взорвался газовый баллон и двоих покалечило, не важно, что он и так никогда не ходил ни в какие гаражи, в этот раз мог бы пойти, мог бы, но она его предупредила, и вовремя. «Видишь, Мариночка, как хорошо, что мы забрали тебя тогда из кружка этих модных танцев, а Юля осталась там преподавать, и на нее позавчера вечером напали и ограбили, отобрали сумку, а там все документы, все деньги, да еще и проездной».

Бабушка не была дремучей и безграмотной, она была хорошо воспитана, у нее имелись высшее образование и прекрасная речь. Но свод священных заповедей безопасности вмиг превращал ее в одержимую ведунью. Стоило ей войти в роль, как она произносила свои заклинания и причитания с театральными паузами, отчаянно отдаваясь искусству предостережения мира от него самого, срываясь в бездну дрожащей черной тревожности, будто создавала собственный фильм ужасов с претензией на высшие награды всех киноакадемий. Не важно, какие у нее были поводы и методы, она желала всем только добра. На нее не обижались, ее берегли, особенно после всего, что с ней когда-то случилось.

В тот вечер она, конечно, слегка перегнула, но кто бы не смог ее понять – она узнала новость и не могла сдержаться. Она же хотела для Алеши только хорошего, только лучшего. Ей рассказала подружка, Людмила Тимофеевна, а уж той можно верить, она же работала секретарем у генерального

на молкомбинате, она первая узнала, что должность освободилась. Та самая, завпроизводством. И что, неужели Алеше ее не предложили? Как так – нет? Просто нет? Конечно, ей не понравилось это «нет», ее возмутило, что он не стал сокрушаться и вообще ничего не стал рассказывать. Она сразу, сразу почувствовала неладное и рванула вперед, не останавливаясь, причитая, ужасаясь, сокрушаясь, посылая проклятия на головы всем вышестоящим и всем, кто мог быть причастен к этому чудовищному заговору против мужа ее единственной внучки, человека с таким послужным списком. Ведь столько заслуг и непрерывный стаж, и премии, и грамоты, и патент, патент! Творожок «Умняша» – он, он же его создал, он всех прославил и обогатил. Да как же так, как же так? Целая линия открылась. Да что линия – вся страна ест «Умняшу», а ему что – черная неблагодарность на старости лет? Но именно в тот момент, когда бабушка собиралась перейти к проклятиям и порчам, вдруг грянул гром. Тот самый. Его никто и никогда не ждал от мальчика Алеши, которому было уже сорок три. Хороший, приличный мальчик вдруг отложил ложку, отодвинул недоеденный кусок маминого фирменного пирога и сказал:

– Я уволился.

* * *

– Ничего не собрано, ничего не готово, как же так? Ох,

я вся на нервах, вот ты придумал, ехать на край земли, там нас никто не любит, к русским так плохо относятся… Шорты положила, сандалии, восемь пар носков хватит тебе? Брюки льняные, утюг дорожный положила, мама нам дала. А если что-то забудем? Алеша!

– Если что-то забудем, купим там.

– Ты как будто миллионер.

– Ну мы же не самолет собираемся покупать, Марин, а на новые платья любимой жене я деньги найду.

– Отстань, обниматься он лезет. Ну Алеша! Прекрати! Не пойму, чего тебе так это все нравится, это же чистой воды авантюра! Без экскурсовода, без гостиницы, на какую-то съемную квартиру.

– Хватит ходить за экскурсоводами, давай уже хоть раз будем сами себе короли. И не в квартиру мы едем, там целый дом. И не дом, а замок! В нашем распоряжении. Ты только представь – куда хотим, туда поедем, где захотим, там поедим, перепробуем там все, сходим на все дегустации, Оля нам все покажет.

– Как можно есть в незнакомых местах? В захолустье! Эта еще твоя Оля, честное слово, и смех, и грех.

–Ты что, ревнуешь?

– Господи, Алеша, я же не глупая. Ну как к Оле можно ревновать?

– Перестань, Оля – хороший человек. Мы с ней дружим сто лет.

– Да прекрасный человек, кто бы говорил. Я и не говорю. Я понимающая, прогрессивная жена.

– Это очень благородно с ее стороны – пригласить нас посмотреть виноградники.

– Еще бы, она с тоски там небось с ума сходит. Как на таких обижаться! Ты же единственный мужчина в ее жизни. И тот по переписке. Как она вообще умудрилась во Францию уехать?

– В детстве уехала, с родителями, ты сама знаешь. А потом, между прочим, вышла замуж.

– Ах, точно, она же замужем была. Это вообще из области фантастики, конечно. А что с мужем случилось?

– Умер.

– Ну понятно, ему лет девяносто было?

– Нет, он был молодой. Погиб, несчастный случай.

– Боже, горе какое. Говорят, не родись красивой, а тут, конечно, со всех сторон не повезло… Шанс был выйти замуж один на миллиард, так еще и муж не протянул.

– Марина! Я не хочу, чтобы ты сплетничала. Становишься, как твои мама с бабушкой.

– Мои мама с бабушкой не сплетничают! Мы интеллигентная семья!

– Ясно. Я пойду поработаю.

– Конечно. Обижать людей вот так походя. Как будто мы базарные бабки, честное слово. Где сарафан мой, ничего не найду. Оля эта еще… Надо же ей что-то в подарок

повезти, а что ей повезти? Мешок конфет? Интересно, она еще больше стала? Хотя куда уж больше…

* * *

Помимо мамы с трепетом и восхищением на Алешу смотрел только один человек – та самая Оля. Она училась с Мариной в одном классе, жила с ней в одном дворе, но подружками они не были, хотя мама и бабушка усердно донимали Марину, чтобы та пригласила Олечку на день рождения, угостила ее на переменке печеньем, позвала в кино: «Оля такая хорошая девочка, отличница, а друзей совсем нет». «Она жирная!» – хотелось крикнуть Марине. Оля на самом деле была жирной, даже не жирной, а рыхлой и пухлой, как будто ее сделали из серого холодца, оставшегося от новогодних застолий, – ткни пальцем, и она затрясется. И пахло от нее как от тазика, в котором бабушка кипятила пододеяльники. У нее была серо-бледная кожа в мелких прыщиках, нелепые рыжие волосы, нелепые очки, нелепая одежда и вечные коричневые колготки гармошкой на коленках. Она все время что-то жевала, и при этом у нее вечно был заложен нос, так что жевала она с открытым ртом, а когда что-то говорила, изо рта во все стороны фонтаном летели крошки. Олина мама приходилась Марининой маме какой-то важной коллегой, чуть ли не начальницей, так что Марина терпеливо сидела рядом с пухлой сопящей Олей на школьных утренниках, держала ее

за вялую потную ладонь, когда надо было ходить хороводом вокруг елки, старательно улыбалась и отдавала ей в столовой молочные коржики, которые сама ненавидела. Видимо, в знак благодарности Оля выбрала Марину своим доверенным лицом и однажды, тяжело сопя ей в ухо, рассказала о своей любви. Им было тогда лет по десять, Марина сначала не расслышала, повернулась, чтобы переспросить, и потом долго не могла забыть этот рот в крошках и капельки пота над верхней губой. «Алеша! – выдохнула Оля в Марину чуть ли не половину плохо пережеванного коржика. – Только никому не говори!» Конечно, она не сказала – ей в голову не могло прийти сказать кому-то из настоящих подружек, что она секретничала с пухлой, липкой Олей. Эта тайна пригодилась ей, уже когда она стала взрослой и вышла за Алешу замуж. Когда они ссорились, а иногда и просто так она позволяла себе пару ехидных шуточек про его кошмарную поклонницу. Сам Алеша ничего не знал об Олиной любви, да и о самой Оле тоже: когда той было лет двенадцать, она просто исчезла – однажды не пришла на уроки и никогда больше не появилась, а в классе ее даже никто не хватился, хотя Марина про себя удивилась: надо же, человек, который занимал столько места, оказывается, совершенно ничего ни для кого не значил. Оля объявилась неожиданно: лет десять назад она вдруг написала Алеше в соцсети, где все искали одноклассников. Как ни странно, он ее узнал, потому что фотография у нее в профиле была та самая, еще школьная, неле-

пая. «Это не твоя подружка?» – спросил он у Марины. Та внимательно посмотрела и, конечно, сразу выдала ему старую Олину тайну. То ли Алеше было лестно вдруг оказаться чьей-то детской мечтой, то ли он просто пожалел одинокую Олю (а в том, что она до сих пор одинока, Марина не сомневалась), но он ответил на ее сообщение, и между ними завязалась переписка. Марина не ревновала, только хихикала, что муж занимается благотворительностью, одаривая редкими минутами счастья одинокую женщину. Алеше с Олей, однако, было что обсудить. Оказалось, она связана с виноделием, а Алеша всегда очень интересовался этой темой. Молкомбинат так и не смог убить его мечту – ему гораздо больше нравилось колдовать не над ароматическими композициями фруктовых творожков, а разгадывать винные букеты, досаждать Марине рассказами про терруары, меловой известняк, который так важен для шабли, про интриги с пино-нуар и дубовые бочки. Ей было неинтересно, вино она любила только сладкое и с пузырьками, истории ей нравились, но вкус она не различала, так что очень обрадовалась, когда у Алеши нашлась собеседница. Правда, ей показалось, что та сбивает мужа с толку – он вдруг начал ездить на конференции по виноделию, следить за новыми виноградниками в Крыму, спорил с кем-то по телефону про то, какой год был лучше для гевюрцтраминера (господи, что за слово), и даже пытался затащить ее с собой на дегустации, после которых из впечатлений у Марины осталась только изжога. «Не запойный,

и ладно», – сказали мама и бабушка. В конце концов, у каждого мужчины может быть безобидное увлечение. Собственного виноградника у Алеши, конечно, не было, но на даче росло целых пять яблонь, с которых каждый год падал невиданный урожай никому не нужных кривобоких кислых яблок. «А что, если попробовать сделать из них кальвадос?» – как-то раз сказал Алеша Марине, когда та только-только пыталась заснуть после очередного изматывающего заседания книжного клуба. «Это самогон?» – уточнила она. «Не важно, – сказал он, повернувшись на другой бок, – ты, главное, не говори бабушке». С тех пор на даче у них появились дубовые бочки, спиртометры, особые щепки, батарея бутылок и… к бабушкиному ужасу, был куплен настоящий самогонный аппарат. Однако бабушка вскоре успокоилась: никаких признаков алкоголизма у Алеши не проявилось, так что аппарат остался. «Только чтобы соседи не узнали, – повторяла она каждый раз. – Стыда ведь не оберемся». Надо признать, тревожилась бабушка не совсем напрасно, ведь в конце концов уволился Алеша именно из-за того самого кальвадоса. На какой-то конференции он познакомился с Данилой Дмитриевичем, владельцем нескольких виноградников в Крыму и совершенно одержимым человеком. Вина ему было мало, он хотел скупить яблоневые сады и запустить производство кальвадоса и поммо. Пару раз Алеша слетал к нему в Крым, а потом во время тихого чаепития в доме у родителей жены взял и объявил вдруг о том, что решил раз и навсегда пустить

свою жизнь под откос – уволиться с молкомбината.

* * *

– А правила дорожного движения?

– Я водитель с двадцатилетним стажем.

– А страховка?

– Страховки мы все оформили.

– А если вдруг, не дай бог, заболеем?

– Врачи есть везде, это же не дикий край.

– Все равно лекарства надо взять с собой.

– Возьми.

– Йод.

– Йод тебе зачем?

– Мало ли, дезинфицировать.

– Марина, давай без фанатизма.

– Но-шпу надо не забыть купить и что-нибудь желудочное.

– Хорошо, купи желудочное.

– Да как я успею за два дня?

– Аптека в соседнем подъезде.

– Мне еще завтра на работу, и к родителям я обещала зайти. Бабушка сказала, она нам что-то хотела дать в дорогу.

– Икону святого Исидора, не иначе.

– Алеша! Ну как не стыдно!

* * *

Святой Исидор был не просто самой почитаемой иконой в доме Марининых взрослых богов: его вытянутое лицо, в белых кудрях, с треугольной бородой, отпечаталось в ее сознании одним из первых в калейдоскопе самых важных людей в жизни: мама, папа, бабушка и старичок в ярких одеждах, который заботится обо всех, но особенно – о дедушке, которого она никогда не видела, но знала: он где-то там с этим старичком и, может быть, даже на него похож. Ей нравился святой Исидор, он был как будто летняя версия Деда Мороза, решившего избавиться от шубы и нарядиться поярче. И кто же мог знать, что благолепный старец окажется с таким подвохом. Хотя ведь и за маской Деда Мороза чаще всего скрывались переодетые соседи, папины друзья, а то и заведующая детским садом.

Из всех бабушкиных предостережений самым строгим было не лезть в воду. Вода была ее самой страшной фобией, бесконечным кошмаром и причиной самого большого бабушкиного несчастья. Даже при виде полного стакана ее передергивало, а когда маленькую Мариночку купали в ванночке, она стояла в дверях и всхлипывала. Вода была запрещенной темой и запретной стихией, Марину категорически не пускали плескаться в пруду, ходить по берегу реки и даже опускать ноги или руки в фонтан на площади. На море она

пару раз ездила с мамой и папой и перед входом в воду всегда тщательно упаковывалась ими в две пары надувных нарукавников, надувные круги и даже шапку с пенопластовыми брикетами – разумеется, после этих экзекуций она возненавидела море сразу же и на всю жизнь. Бабушка категорически возражала против любых водоемов, купелей и бань, а когда в первом классе в школе у Марины объявили, что раз в неделю их будут возить в бассейн на уроки плавания, у бабушки случился почти инфаркт. Марина плохо запомнила, что именно тогда было, помнила только, что приезжала скорая, и в доме сильно пахло лекарством, а через пару дней мама вложила ей в дневник освобождение от физкультуры, выданное участковым терапевтом, и, когда весь класс дружно грузился в автобус, чтобы ехать на плавание, Марина со вздохом плелась домой за руку с бабушкой. Она тоже ненавидела воду и никогда не видела своего дедушку – он утонул совсем молодым.

Марининой маме тогда едва исполнилось восемь, но несчастье как будто произошло и у Марины на глазах, въелось в нее подробностями и деталями, пропитало ее сны, колыхалось и дрожало черной рябью и зыбью – так мучительно и так дотошно снова и снова пересказывала его бабушка. Откуда ей было все это знать, ведь ее тогда не было рядом. Иначе она ни за что не допустила бы того, что случилось, она бы почувствовала и предупредила, но она в тот

день задержалась на работе, а ее муж Геночка отправился с друзьями на реку. Бабушка должна была прийти к ним попозже и опоздала, зацепилась, заболталась, замешкалась, задержалась и опоздала, совсем опоздала. «Как же так, как же так получилось», – причитала она вечерами, днями, годами напролет. Там, на берегу, была одна семья – родители с двумя маленькими детьми, мальчик и девочка, погодки, малыши, непоседы, кудряшки, панамки, совочек, ведерко. Родители отвлеклись, выпили, наверное, а может, заболтались, не уследили, не доглядели, когда малышка начала кричать. Было уже поздно, она и успела крикнуть всего раз, но никто из взрослых не услышал, люди же тонут быстро, мгновенно, а братик ее испугался. Детка, кроха, что возьмешь, испугался, заплакал тихонько, и никто-никто, только Геночка кинулся спасать… В этом месте бабушкиного рассказа всегда возникала пауза, и кто-то должен был идти за платком или за бумажным полотенцем, мама гладила ее по спине, а папа капал в рюмку поначалу валокордин, но потом перешел на коньяк, он помогал лучше, чем валокордин или валериановые капли, бабушкины всхлипы довольно быстро заканчивались, щеки розовели, она начинала улыбаться и вспоминать, каким же статным Геночка был красавцем и каким отчаянным героем. Девочку он спас, а сам утонул, так уж вышло, ему помочь не смогли. История всегда заканчивалась одинаково: бабушка вздыхала, вставала, доставала из буфета церковную свечу и зажигала ее перед иконой святого Исидора, покровителя

всех утопленников – своего главного доверенного лица, то есть лика, и единственного уцелевшего звена между бабушкой и дедушкой, между бабушкой и церковью.

С церковью отношения у бабушки были чуть лучше, чем с водой. И, опять же, из-за несчастья с дедушкой. Пару раз в месяц, а то и чаще – все зависело от бабушкиного настроения, времени года, а иногда просто от того, что по телевизору показали слезливый фильм, – бабушка шла в церковь, где тоже была икона святого Исидора. Они с Мариной покупали свечи и долго стояли у образа, пока бабушка что-то шептала, наверное, молитвы, хотя иногда Марине казалось, что та пересказывает новости или рассказывает, что они ели вчера на ужин – наверное, чтобы святой Исидор передал эту информацию дедушке. Заупокойные службы бабушка никогда не заказывала и строго-настрого запретила всем писать записки за упокой раба божьего Геннадия. Бабушка была обижена на церковь, но правила все-таки соблюдала. Она вообще всегда очень строго соблюдала правила. Раз сказали «нельзя», значит, нельзя. Когда дедушка погиб, она побежала к местному батюшке, но тот наотрез отказался его отпевать, потому что утопленники, по его словам, приравнивались к самоубийцам. «Что за дикость?» – возмутилась как-то раз Маринина мама на тысячном пересказе дедушкиной трагедии в бабушкином исполнении, но бабушка в качестве доказательства принесла ей какую-то измятую, выцветшую церковную брошюру, где и в самом деле было написано, что люди, ле-

зущие в воду, должны осознавать риск, связанный со страшной стихией, и понимать своей головой, что все эти волны, водовороты и подводные течения образуются вовсе не по воле светлых сил, так что никакого отпевания утопшим и не может быть положено и никаких сорокоустов, никаких поминальных записок: что в воду, что в петлю – все одно. Тот батюшка для убедительности умудрился поведать бабушке историю об одном своем прихожанине, который утонул глупейшим образом на пляже – напился до белых зайцев, да и упал мордой в воду – батюшка не стеснял себя в выражениях и весьма образно доносил до слушателей все детали события, – упал и захлебнулся, пьяный был вусмерть. «И что, – всхлипнула бабушка, – его тоже не отпели?» «А вот и нет, – сказал священник с каким-то странным азартом. – Его как раз и отпели, потому что в воде-то оказалась только голова, а он при этом отдал Господу душу, будучи на берегу. Мало ли где голова, голова – дело десятое, так что епархия мне велела отпеть, и все тут, отпел как миленький. А ваш, видите, как неудачно утоп целиком… Уж простите, Галина, ничем помочь не смогу, начальство не разрешит».

Утопший целиком дедушка смотрел на Марину со старых фотографий, где он был еще молодым, усатым, всегда рядом с бабушкой, всегда щегольски одет, всегда с хитрым прищуром. Она знала – он был веселым, легким, компанейским и озорным. И ничего не боялся – это в нем Марину завораживало, как будто для дедушки не существовало правил, и при

этом он был самым лучшим. Бабушка рассказывала о нем бесконечное множество историй, где он всегда оказывался самым смелым, самым смекалистым и отважным и самым романтичным и преданным человеком. Бабушку всю жизнь жалели, понимали и прощали ей всё, потому что сложно ведь было даже представить, как она смогла пережить такое горе – потерять такого мужа. Она одна вырастила Маринину маму и стала незыблемой, строгой, справедливой – настоящим матриархом с миссией спасать и оберегать своих близких. Они и это позволяли ей и прощали. Она так и жила всю жизнь в комнате, завешанной их общими с дедушкой фотографиями, и стоило Мариночке зайти к ней, как бабушка начинала одну из своих бесконечных историй о нем – мудром, храбром, прекрасном, геройски погибшем сверхчеловеке, спасшем ценой собственной жизни маленького ребенка.

* * *

Звонок в дверь раздался именно в тот день, когда Мариночке исполнилось двадцать. На пороге с хитрым прищуром и в сильном подпитии стоял дедушка.

* * *

– А это брать? Алеша? Ну, посмотри!

– Бери.

– Ты даже не смотришь!

– Десятое платье, Марина, я перестал их различать.

– Это вообще не платье, а сарафан!

– Бери сарафан.

– А блузку? Надо нарядную блузку?

– Ты собралась там на педсовет?

– Зачем на педсовет, в ресторан. Ну я не знаю, на ужин с какими-нибудь людьми.

– Марин, там ходят, в чем удобно.

– Вот, кстати, про удобно. А глянь, мне взять балетки и кеды? Или босоножки тоже?

– Что-то удобное, чтобы ходить. Нужно будет много ходить. На каблуке ничего не бери.

– Нет, ну одни хотя бы босоножки возьму. Вдруг на праздник пойдем. Или на концерт.

– Хорошо, бери.

– А вот это платье тебе как?

– Хорошее.

– А это?

– Это как-то темновато.

– Темновато? Оно черное, Алеша! Вот ты смешной! Как что-нибудь скажешь…

– Ну, значит, отстань от меня. Бери что хочешь.

– Зачем мне там черное? Хотя красиво… Наверное, возьму.

* * *

После того, как Алеша уволился, их жизнь вовсе не полетела под откос и не рухнула в тартарары, несмотря на мрачные предсказания бабушки. Наоборот, дела у Алеши резко пошли в гору, он не спился, не валялся под забором и не стал выносить из дома вещи. На следующий день после увольнения Данила Дмитриевич предложил ему очень хорошую должность с очень хорошим окладом, премиальными и процентом от сделок, но Алеша согласился бы на эту работу, даже если бы ему самому надо было приплачивать Даниле Дмитриевичу – он стал главным технологом его большой процветающей компании. Творожки, простокваши и все молочное было раз и навсегда забыто и выброшено из жизни, а причитания Марининой бабушки о беспрерывном стаже и прочих кисломолочных заслугах он и слушать не хотел. Алеша ринулся в любимое хобби, ставшее любимым делом, с головой и говорил теперь только о лозе, сортах и букетах, о кальвадосе и поммо. Марине нравилось. Конечно, в доме у мамы и бабушки она делала недовольный вид и старательно ворчала в такт взрослым богам, но на самом деле ужасно радовалась, что вместе с творожками и простоквашами улетучилась и вечно прокисшая мина на лице у мужа, и он как будто даже помолодел, взахлеб рассказывал ей о своей работе, и глаза у него блестели, как двадцать лет назад. Прав-

да, ему теперь пришлось часто ездить в командировки, но от этого тоже была сплошная польза – Данила Дмитриевич не скупился на гонорары, и скоро они смогли переехать в квартиру побольше, а потом Алеша купил новую машину.

Марина помчалась рассказать об этом родителям и бабушке сразу после работы, улыбаясь во весь рот и, как в детстве, перепрыгивая через ступеньку. Весь город жил в кредит, в школе она только и слышала, что кто-то наконец-то расплатился за холодильник, а у кого-то невыплаченной оставалась еще половина телевизора и швейной машинки. Алеша не любил кредиты, он не любил одалживаться и категорически не хотел жить в долг, но мама и бабушка не видели в этой системе ничего дурного – ведь так жили все люди, а значит, так было правильно. Новенькая машина была полностью оплачена, у нее были кожаные сиденья и автоматическая коробка передач. Марина чувствовала себя как будто в сериале – крыша открывалась, а под ней был стеклянный потолок, и можно было, как в детстве, вытянуть руки вверх и ловить облака, только теперь она ехала не на багажнике папиного велосипеда, а на собственном новеньком автомобиле.

– Вы представляете! – выдохнула она свой восторг прямо на пороге.

– Так, поспокойней, – сказала мама.

– Господи, что случилось? – спросила бабушка.

Непонятно почему, но рассказывать про машину Марине

сразу захотелось чуть меньше, как будто половину сияющих у нее в голове праздничных лампочек резко выключили или кто-то неожиданно выбил пробки.

– У нас новая машина! – все-таки объявила она, продолжая сиять хотя бы половиной своей внутренней счастливой иллюминации.

– Ты давай потише, – сказала мама, втащила ее в коридор, высунулась посмотреть, нет ли кого на лестничной площадке, плотно закрыла дверь и защелкнула все замки.

– Что? Кто? Алешин папа свою машину вам отдал? – предположила бабушка.

– Да никто нам ничего не отдавал, – честно рассмеялась Марина. – Алеша сам купил!

– Он взятку взял? – шепотом спросила мама.

– Ой, не дай бог, – отмахнулась бабушка и опустилась на комодик под вешалкой. – Сейчас за взятки мигом сажают. Ты, Мариночка, скажи ему, не надо, пусть все вернет.

– И сам в полиции расскажет, – подхватила мама. – Так лучше. Явка с повинной.

– Вы с ума сошли? – возмутилась Марина. – Какая взятка? У него же прекрасная работа, в прошлом году был отличный урожай и новый сорт… – Она вдруг сбилась, потому что они обе смотрели на нее так, будто она и правда вляпалась в какие-то неприятности. – Новый сорт себя показал… И прибыль…

– Ой, не знаю… – Бабушка сложила брови домиком, как

в греческой трагедии. – Эта его работа… Ладно бы что приличное, так нет ведь, пошел портвейном торговать. Плохо ему было на молкомбинате, вот ведь глупый какой мальчишка!

– Мариночка, доченька, я вас очень прошу, ради меня, не берите никаких взяток, – запричитала мама. – Все равно люди узнают, до добра это не доведет.

– Это точно, – подхватила бабушка, – и покупатели его – алкаши ведь, что возьмешь, кто-нибудь точно проболтается, Таня права…

– Ма… – задохнулась Марина, у которой в голове окончательно выключили яркий веселый свет, а заодно перекрыли воздух и все мысли. Она собралась забросать мать и бабушку едкими умными аргументами, но ей вдруг так сильно захотелось заплакать, что она просто замолчала и хлопала глазами, как будто вернулась из школы не с пятерками, а с четверкой, и это был сущий позор.

Она согласилась остаться пить чай с пирогом, кое-как все-таки попыталась убедить их, что Алеша честно зарабатывает свои деньги в большой компании, а не продает портвейн на улице, платит налоги и не берет никаких взяток, что он редкий специалист, что у него талант, и его ценят, и их новая квартира и машина – заслуженный результат труда, а не жульнических махинаций, но они все равно смотрели на нее так, будто подловили на детском вранье и ни капли не поверили, хоть и кивали.

– Ну купил и купил, – подвела итог мама. – Все равно поменьше рассказывайте, не нужно хвастаться.

– Да, некрасиво это, – добавила бабушка. – Надо поскромнее, потише надо.

Марина вернулась домой поздно вечером, сказала Алеше, что ужасно устала и рано легла спать. Странно, но с этого дня новая машина стала нравиться ей все меньше, кожаные сиденья были какие-то скользкие, а через стеклянный потолок пекло солнце. «Непрактично», – подумала она и руки в машине больше не поднимала. Ловить облака расхотелось.

* * *

– А по вечерам что будем делать?

– Обниматься.

– Алеша!

– И ходить в рестораны.

– Дорого. Может, там самим можно готовить? Купим курицу или фарш.

– Захотим – приготовим сами, захотим – пойдем в ресторан, не морочь только этим себе голову. А потом будем гулять по виноградникам, смотреть на звезды, обниматься и нюхать розы.

– Откуда там розы в виноградниках?

– А как же! Я тебе не рассказывал? В виноградниках са-

мые красивые розы! В начале рядов лозы непременно сажают розовый куст, потому что розы очень чувствительны к мучнистой росе, серой гнили…

– Алеша, фу.

– Не фу, а очень опасно для виноградника. У винограда с розами болезни и вредители одни и те же, так что розу сажают как индикатор – если что не так, роза заболеет первой, и можно будет вовремя заметить и спасти виноградник.

– Очень романтичная история, ничего не скажешь.

– Зато жизненная.

* * *

Дверь открыла Маринина мама. Она внимательно оглядела незнакомого пожилого человека с головы до ног, едва заметно повела носом – долгая дорога домой, безусловно, отразилась на запахе, который источал дедушка, – и только собралась что-то сказать, как он опередил ее, расплывшись в широкой улыбке под пышными, рыжими от табака усами.

– Доча! – сказал незнакомец.

– Мама? – Маринина мама повернулась к возникшей у нее за спиной бабушке и удивленно приподняла брови.

– Дедушка? – первой робко догадалась Марина, которая почему-то сразу узнала и прищур, и усы, но при этом будто оказалась в индийском фильме, которые так любила смот-

реть бабушка, так что у нее даже немножко закружилась голова.

– Внуча! – возрадовался гость, немедленно осмелел и решительно шагнул в квартиру.

– Подождите! – попытались воспротивиться Маринины родители, но дедушка уже прорвался в прихожую, плюхнулся на обувной комодик под вешалкой и попытался стащить грязный ботинок.

– А это кто в кульке? – громко спросил он, кивнув на Катю в зимнем комбинезоне, которую как раз собирались выставить в коляске на балкон.

– Это Катя, наша дочь, – послушно объяснила Марина.

– Не надо разуваться, – скривилась ее мама.

– А что происходит? – наконец обрел голос папа.

– Да что ж такое, одно бабье народилось, – констатировал дедушка. – Ты зять? – кивнул он на папу. – И чего ж ты, зять, так плохо старался? Эх, зять – не хрен взять! Галя! – Он вдруг подскочил, вытянул вперед руки и кинулся к бабушке, которая все это время стояла в прихожей, как соляной столп. – Галечка!

– Алеша, – тихо, но уверенно сказала Марина, – скажи что-нибудь.

Алеша, однако, ничего не мог сказать, потому что беззвучно смеялся, почти сложившись пополам, и совершенно не обращал никакого внимания ни на испепеляющий взгляд тещи, ни на требовательную гримасу своей юной жены. А ба-

бушка вдруг отпрыгнула назад, развернулась, бросилась на диван, закрыла лицо руками и взвыла так оглушительно, что все вздрогнули, Катя проснулась, а собака Буся с перепуга полезла под диван и там тоненько заскулила.

– Га-а-аля, – протянул воскресший дедушка и направился за бабушкой в комнату, где красовался накрытый стол – у Марины был день рождения. Остальные присутствующие его совершенно не интересовали. – Галя, ну не надо, ну что ты, мы же не на похоронах. Хватит убиваться. – Он хотел было сесть с ней рядом, но бабушка выла так громко и решительно, что дедушка отошел на шаг назад, осмотрелся, плюхнулся на стул во главе стола и объявил, распростерев объятия: – Ну, здравствуйте, мои родненькие!

– Так, – сказала Маринина мама, ухватившись за виски, как будто у нее резко заболела голова, а она у нее наверняка заболела. – Виталик, накапай маме капель. И мне тоже накапай. Алеша, укачайте Катю. Мама! – она повысила голос. – Мама! Ты ничего не хочешь нам объяснить?

– А нечего тут объяснять, – пожал плечами ее новоявленный отец, уже ухвативший вилку и теперь оценивающий угощение на столе. – Я твой папка, Танюшка, твой родный папка.

– У-у-у-у, – провыла из-за ладоней бабушка.

– Подвинься, интересно же, – сказал Алеша за спиной у Марины, всхлипывая от смеха.

– Галя, не надо убиваться, – продолжил дед как ни в чем

не бывало, плюхнул себе на тарелку котлету, выхватил грязными пальцами из салатника соленый помидор, поискал рядом рюмку, не нашел и подцепил чайную чашку из сервиза с розами. – Я вернулся, Галя, прости меня, все мы люди, все мы грешные, я каюсь. – Он вдруг размашисто перекрестился и плеснул в чашку коньяка. – Все как ты говорила, так и вышло, ты ж моя умница. Какая ж ты всегда была у меня умница! А я, дурак, не ценил. Вот все по твоим словам и вышло.

Бабушка продолжала выть, выдавая неожиданно новые высокие ноты, Буся скулила в унисон, Марине хотелось, чтобы ее разбудили. Эта сцена была точно не из ее правильного мира. Как будто все кони на ее карусели сорвались с мест и поскакали в разные стороны.

– Все, как ты тогда мне сказала! Как ты кричала тогда, ух, как кричала, ну и правильно кричала, ну и поделом мне. – Он опрокинул в рот коньяк из чашки и поморщился. – Кричала, мол, ты ко мне еще вернешься! Ты ко мне еще приползешь! И вот я, приполз, Галечка.

– Простите, – сказал Маринин папа, все еще стоя в дверях комнаты, – а куда она вам это кричала? В реку?

– В какую еще реку? – удивился дедушка.

– Так вы же утонули!

– Я?! Что ты мелешь? Не дай бог! – испугался незваный гость и выронил чашку, мгновенно низведя тем самым сервиз с розами в статус «посуды». Чашка раскололась, бабушка всхлипнула, он как ни в чем не бывало продолжал: – Она

приходила меня отбивать. У Тоньки моей, царствие небесное, отбивать меня приходила. – Он снова плеснул себе коньяку. – Давайте не чокаясь. Садись, зятек. И вы, девки, тоже садитесь и пацана сажайте, – распорядился он, махнув в Алешину сторону. – Ты хоть помнишь, Галь? Ох, ты и кричала тогда! И волосьев ей даже повыдирала, воротник оторвала, еле растащил… Хороши помидорки! – Он облизал пальцы.

– Так, стойте, – Маринина мама опустилась на стул и быстро выпила капли сначала из одной рюмки, которую принес ее муж, а потом и из второй. Дедушка одобрительно кивнул и крякнул. – Мама! Сейчас же объясни нам, что это такое! Это что, мой отец?

– Да! – вдруг пронзительно крикнула бабушка.

– Так он не утонул?

– Да что за гадость вы все время говорите, – отмахнулся дед. – Зачем я утонул-то? Просто загулял, с кем не бывает, все живые люди. Ну, зятек? Ты же меня понимаешь? У Галечки характер не сахар, сами знаете, а тут подвернулась Тонька с молкомбината. Кровь с молоком, сиськи – во, жопа – не объедешь! Давайте не чокаясь. – Он схватил новую чашку, но Маринина мама ловко подскочила и отобрала ее у него.

– Да! – снова крикнула бабушка. – Он ушел от меня к другой женщине.

– Так он все это время был жив? – переспросила Маринина мама, как будто ей было мало этого дурно пахнущего

деда в гостиной в качестве доказательства, и она хотела дополнительно убедиться.

– Конечно, еще как, – кивнул дед, вытряхнул из розетки на тарелку оливки, плеснул туда коньяку и снова выпил.

– И ты при этом говорила всем, что он утонул, мы ходили кланяться святому Спиридону, или как его там, ты тащила меня на себе всю жизнь одна, не хотела ничего рассказывать, а он при этом просто где-то шлялся?

– Ну это ты, доча, зря, – крякнул дед. – Как так: на себе одна? Я, между прочим, денежку вам исправно посылал, и денежку неплохую.

– Так это была не пенсия по потере кормильца?

– Можно и так сказать, конечно… А что, я кормилец, я кормил…

– Замолчи! – закричала на него бабушка. – Немедленно замолчи! Откуда ты свалился на мою голову?

– Так Тонечка-то моя того, преставилась… – начал было он, но тут все одновременно вскочили и стали говорить, кричать и перебивать. Марина переводила взгляд с одного на другого, будто мчалась куда-то на взбесившихся американских горках. Мир в одну минуту превратился в водевильную декорацию.

– И ты придумала, что он утонул? Серьезно? – кричала Маринина мама.

– А что мне было делать? Опозориться? – кричала в ответ бабушка. – Сказать всем вокруг, что он от меня ушел? И на

работе, и знакомым, и соседям сказать? Что мой муж мне изменил и ушел к какой-то девке? Что я его не удержала? И что бы обо мне подумали? Что сказали бы люди? Ты хоть можешь себе представить этот позор?

– Да какая разница, мама! Но это же ужас, как можно было такое сочинить, а самое главное – как можно было столько лет обманывать всех нас: и меня, и Виталика, и Мариночку, и Алешу?

– Алексей? – уважительно кивнул изрядно захмелевший дед и пожал Алеше руку.

– Ты утопила собственного мужа! Ты скрывала от меня, что мой отец жив!

– Мама, тише, пожалуйста, вы сейчас опять разбудите Катю.

– Марина, подожди, не успокаивай меня.

– Давай, доконай меня, Таня! Да, я виновата, но я же спасала честь семьи! Ты что, не понимаешь! Как я могла всем вокруг рассказать, что он бросил меня ради этой шлюхи?

– Галя, ну не надо, я тебя прошу, о покойниках, как говорится, или хорошо, или никак…

– Но мы же все тебе верили! Мама! Мы же все тебе верили!

– Галечке надо верить, она как скажет, так оно и будет. Вот видите, я и вернулся.

– А теперь я прошу вас немедленно отсюда уйти! – прокричала Маринина мама и ткнула пальцем почему-то в сто-

рону телевизора. Все как по команде посмотрели на него, как будто он сейчас включится, и оттуда скажут что-то важное.

– Куда же я пойду? – искренне удивился дедушка, энергично жуя. – Мне идти-то некуда, а это мой дом, и вы тут все мои родненькие.

– Откуда пришли, туда и идите, – не унималась Татьяна.

– Я же тебе говорю, доча, идти мне некуда, да и не по-человечески это как-то – родителя из дому выставлять.

– Какой вы мне родитель? Я знать вас не знаю!

– А вот это плохо, конечно, это надо исправлять. Мы исправим.

– Уходите! Сейчас же уходите вон, – вдруг закричала Маринина мама неожиданно громко, так что угомонившаяся было Буся вдруг глухо гавкнула из-под дивана. Дед, однако, ничуть не испугался, отложил вилку, насупился и сказал:

– Ах, вот ты как, доча? Ну-ну, Галечка, хорошо ж ты ее воспитала. Родного отца взашей? И не стыдно тебе?

– Не стыдно! – взвизгнула Таня.

– А ты подумала, что люди скажут? Я, между прочим, с соседкой снизу уже поздоровался – она еще перекрестилась, – и во дворе меня видели. Слухи-то, они быстро ползут. Что люди-то скажут, Танечка, что люди скажут? Вы же такие хорошие, такие правильные, а родного отца и мужа выставили, как собаку. Так, что ли?

– И правда, Таня, – вдруг тихо сказала бабушка. – Перед людьми как-то стыдно. Родной отец же.

– А если мы его оставим, люди, по-твоему, ничего не скажут? – возмутилась та. – Они не удивятся, откуда он тут взялся? После того, как он тонул, изменял и воскресал.

– Ну не знаю, – повела плечами бабушка. – Ну не знаю…

В дискуссии о том, что скажут люди, если дедушку оставить или выгнать, каждый раз что-то перевешивало, а истина так и не находилась. Так что он остался.

* * *

– Уже послезавтра! Ну надо же! Сегодня сбегаю к Кате, потом забегу к родителям. Ой, а завтра же еще книжный клуб.

– Без него никак?

– Да нет, неудобно, я же всем сказала, что послезавтра уезжаю, и отпуск у меня официально с послезавтрашнего дня.

– Кого-то у вас интересует официальный отпуск? Школа уже месяц как на каникулах, все свои. Подумаешь, один день.

– Все равно неудобно. Наталья Сергеевна, опять же. Потом как начнет ни с того ни с сего расписание ставить, что не продохнешь.

– Она в любом случае начнет его тебе ставить. У нее цель – портить всем жизнь ради собственной значимости.

– Да ну, нет.

– Да ну, да, Марина.

– Просто она строго ко всем относится.

– Просто она тетка с дурным характером.

– Мы все не подарок.

– Это да, но она особенно. Иначе с чего бы ей все цветочки, духи и тортики носили. Ты вон ей сколько всего перетаскала.

– Так не хочется же всю неделю к первому уроку бежать, а потом до последнего сидеть! Еще и дежурство влепит.

– Разницы никакой, все равно влепит. Прогуляй хоть раз в жизни этот свой книжный клуб, потом откупишься. «Птичье молоко» ей закажем.

– Неудобно.

– Да хоть раз в жизни просто прогуляй!

* * *

Выйдя замуж, свой собственный дом Марина устроила по образу и подобию дома мамы и бабушки. Расставила в серванте неприкосновенный сервиз, перемыла все шкафы, до блеска вычистила ванну и сделала все, что делали взрослые боги, – для ключей завела ключницу на стене, крупы пересыпала из пакетов в банки и расставила их по цвету и размеру, купила денежное дерево и декабриста, одежду разложила и развесила, как делала ее мама, и даже, находясь в каком-то тумане, поставила на подоконнике банку с пророс-

шей луковицей, которая в родительском доме всегда ужасно ее раздражала, но все равно так было правильно: зеленый лук – это витамины. У Марины были безукоризненно отлажены все настройки функции «образцовая хозяйка», и в голове у нее сразу начинало искрить, если что-то вдруг шло не так или, не дай бог, кто-то что-то делал не так в ее присутствии. Не так – то есть не по правилам. У Алеши, как назло, обнаружилась масса бытовых привычек, совершенно не совместимых с жизнью в системе Марининых настроек. Он ставил маленькую кастрюльку на большую конфорку, запихивал в стиральную машинку все подряд, мог перед обедом сесть на кровать прямо в уличных брюках, а после мытья посуды никогда не отжимал тряпочку, чтобы потом развесить сушиться на кране, просто плюхал ее на край раковины мокрым комком. Марина растирала виски и успокаивала себя тем, что у других мужья вообще не прикасаются ни к стирке, ни к готовке. Но в голове все равно ужасно искрило, просто до зубовного скрежета. Сдерживаться у нее получалось не всегда, и Алеше доставались как минимум едкие замечания, а как максимум – возмущенные крики или даже слезы. Со временем в доме появилась посудомойка – бабушка и мама встретили новость с недоверием, мама тут же нашла в интернете массу статей про то, что на посуде после мытья в машине остается опасный для жизни ядовитый слой химикатов, а бабушка ограничилась фразой «Все равно, как руками, не отмоет», Алеша тогда попытался избавиться от тряпочки на

кране, но она вернулась – без нее Марине было как-то не по себе, хотя, признаться честно, она ее тоже раздражала.

Когда Алеша ушел с молокозавода и стал хорошо зарабатывать, Марина по настоянию подросшей своевольной Кати решила заняться собой. Кто-то из коллег на одном из заседаний книжного клуба похвастался своей массажисткой-косметологом, и Марина записалась на массаж лица с питательной маской.

– Зачем это? – удивилась бабушка. – У тебя и морщин нет. К чему это – лицо мять лишний раз?

– Вот как раз для того, чтобы морщин и не было, – весело отмахнулась Марина.

– А по мне, просто деньги из людей вытягивают, – сказала мама. – Я всю жизнь сама отлично делала себе маски. Творог, сырое яйцо и борная кислота – прекрасно отбеливает, и питает, и омолаживает…

– И сальмонелла бонусом, – добавила подросшая Катя, оторвавшись от телефона. – Борную кислоту, кстати, давно запретили в свободной продаже, она дико токсичная. Так что понятно, с чего все бледнели от такого состава.

– В кого она у нас такая? – покачала головой бабушка, а Марина тихо порадовалась – у нее незаметно появилась собственная тяжелая артиллерия.

Косметолог Лена Марину встретила так, будто они сто лет были лучшими подругами. Массажем Марина осталась довольна, хоть ей и было неудобно отвечать на миллион вопро-

сов, пока Лена разминала ей щеки и шею и при этом трещала без умолку. Она знала примерно все примерно про всех в городе, а уж личная жизнь педагогического коллектива была известна Лене вдоль и поперек, Марине показалось, что всего за час она успела сунуть нос в гостиную, кухню и спальню практически всех своих коллег. Кто бы мог подумать, удивлялась, умилялась и ужасалась она. Честно говоря, бóльшую часть этой информации ей не очень хотелось знать, но сказать Лене, чтобы та замолчала, Марине было неловко. Массаж получился более чем познавательным. Когда она пришла на второй сеанс, Лена уже перешла на «ты», уложила Марину на кушетку и опять принялась рассказывать ей подробности жизни знакомых, малознакомых и совершенно чужих людей. Марина полностью втянулась в перипетии чьих-то разводов, измен, обменов квартиры и интимных эпиляций. Это было намного интереснее любого сериала. Она только успевала вставлять «угу», «неужели» и «а я и не знала», но тут вдруг почувствовала, что ей на лицо что-то сыплется, это было странное ощущение: как будто помимо массажного масла и Лениных пальцев на нее еще что-то крошили. Она приоткрыл один глаз и увидела, что Лена ест. Не отрываясь от массажа, косметолог-виртуоз откусывала от бутерброда с ветчиной, склонившись прямо у нее над лицом, нисколько не смущаясь и ловко поправляя ветчину пальцем.

– Не успела пообедать, – объяснила Лена, лизнула палец и продолжила: – А после развода она тогда квартиру полу-

чила, от молкомбината еще давали, а потом они взяли, да и опять поженились, кто проверять-то станет, и ребенок при этом ведь не от него. Ну не ловкачи, ты скажи?

Марина сказала «угу». Попросить Лену перестать жевать и крошить она постеснялась.

– Я бы пожаловался администратору, ты же ей деньги платишь, – возмутился Алеша, когда Марина, хихикая, рассказала ему про это вечером. Но она только отмахнулась. Подумаешь, какая ерунда, не ссориться же из-за этого с хорошим косметологом. Да и кто знает, что бы Лена стала рассказывать про Марину, начни та возмущаться. И, в конце концов, не горячий же чай она пила у нее над головой. Так что Лену, массажи и маски Марина не бросила.

* * *

– А как мы поедем, ты нестриженый! Алеша! Ну я же говорила!

– У меня было полно работы.

– Сложно в парикмахерскую зайти?

– Можно подумать, у меня косы до пояса, Марина. Какая разница? Кто меня там знает?

– Как, какая разница? Ты посмотри, какой ты заросший! Мне как будто надо, чтобы на меня пальцем показывали?

– Кто? Ты тут при чем?

– Люди скажут, что за жена такая, почему не просле-

дила, муж неухоженный.

– Там это вообще никого не интересует.

– Ой, да ладно. И фотографии! Ни показать никому потом, ни выложить.

– Ну, фотографируйся одна.

– С какой это стати? Как будто я не замужем, что ли?

– Тогда надену кепку.

– Скажут, Алексей лысеет.

– Там схожу и подстригусь. Подумаешь, проблема.

* * *

Дедушка ожил, святой Исидор был разжалован, и бабушка хотела тайком снести икону в церковь, дабы избавиться от напоминания о своем постыдном обмане, но Маринина мама успела перехватить ее уже почти у двери, вцепилась в мученика и категорически воспрепятствовала его исходу из дома.

– Нет уж, пусть останется, – шипела она на бабушку в коридоре. Зять Виталий прилег вздремнуть после обеда, и перепалка происходила на пониженных тонах.

– Да зачем, – сопела бабушка, вытягивая из цепких дочерних рук сумку с образом. – К чему нам это, пускай он людям послужит. Кому надо за утопленников помолиться.

– Вот мы и будем теперь молиться за утопленников, – не сдавалась крепкая настырная дочь, – с большим усердием

будем молиться, чтобы нам было неповадно в следующий раз еще что-то сочинить, да, мама? У тебя точно больше никаких секретов от нас нет? А то вдруг еще кто-то в дверь позвонит. Может, и дядю Валеру на стройке не убило?

– Как у тебя язык поворачивается, Таня?

– Отлично поворачивается, это у меня наследственное, язык без костей. Вся в мать!

– Да не тяни ты так, это же икона!

– А что, боженька меня накажет? Пришлет еще одного папеньку, а то от этого хлопот мало?

– Он старается!

– Он смердит! И пердит!

– Таня, прекрати сейчас же! Дай сюда!

– Не отдам, пусть остается!

– А что тут мои девочки затеяли? – раздалось совсем рядом, отчего бабушка выпустила из рук сумку и отшатнулась к вешалке, а Маринина мама отлетела прямиком в руки своего родителя.

– Я все равно пойду! – выдохнула бабушка.

– Сходи, сходи, – отозвалась Татьяна, отбиваясь от дедушки. – Прикупи там еще парочку, кого-нибудь посильнее: Тихона, Трифона – не знаю, кто там помогает от паразитов в доме. – Она поправила сбившуюся прическу и гордо прошагала на кухню. Дедушка бодро потрусил за ней.

Он был совершенно инородным элементом в образцовом мире, существующем строго в соответствии с правила-

ми приличных людей, но при этом идеально в него вписался. Как будто в холодный и строгий музейный зал притащили обогреватель, разбросали веселые разноцветные коврики, повесили гирлянды и поставили стол с пирожками, бутербродами и горячим чаем для всех желающих. Дедушка был отмыт, побрит и подстрижен и теперь разгуливал по дому в трусах, без умолку рассказывал скабрезные байки, за завтраком без спроса солил и перчил всем яичницу, утверждая, что так вкуснее, ел рыбные консервы прямо из банки, откусывая от луковицы, а потом с жирными усами лез целоваться к бабушке. И удивительно, бабушка при этом, конечно, громко визжала и картинно отбивалась, но ей явно нравилось, иначе почему бы спустя всего пару недель дедушка переехал с дивана в гостиной в бабушкину спальню. На следующее после этого события утро дочь Татьяна поджидала родительницу на кухне, фыркая от возмущения и твердо намереваясь стребовать с нее объяснений столь скоропостижного грехопадения, но бабушка не повела и бровью, не поддалась попыткам втянуть себя в дискуссию, а только громко объявила, что они с дедушкой, между прочим, состоят в венчаном браке.

– Да он тридцать лет прожил с другой женщиной! – взорвалась Татьяна.

– А со мной венчался. Браки, Танечка, совершаются на небесах, – с совершенно блаженной улыбкой сообщила ее мать, строгий и справедливый матриарх, а на следующий день купила себе на рынке розовый китайский халат с жут-

кими цветами и кисточками. Татьяна поняла, что битва проиграна.

Дедушка остался. Встроился в идеальный правильный мир кусочком абсолютно чужого пазла, отчего мир, конечно, посыпался, но при этом не развалился, а стал только лучше, по крайней мере, для одного человека – для Кати. В ее жизни этот дедушка был с самого начала, с момента зарождения ее мира, когда она сама была в нем еще синим кульком, и лучше этого дедушки никого для нее не было. Не потому, что других она не знала – просто их взаимная любовь друг к другу была бесконечной, безусловной и всепобеждающей.

Отстаивая свои права и осваивая территорию, дед через несколько дней после внезапного чудесного воскрешения притащил в дом свои вещи, несмотря на громкие протесты Татьяны и крики об антисанитарии, блохах и крысах. Сначала он приволок древний картонный коричневый чемодан со старой одеждой, оклеенный кожзамом, и терпеливо возвращал его с помойки каждый раз, когда его уволакивала туда родная дочь. В их кровном родстве сомневаться не приходилось, оба были патологически упрямы – миграции злосчастного чемодана длились недели две, пока дед однажды не сплоховал и не зазевался, и чемодан то ли увезли мусорщики, то ли перехватили местные бомжи. Не в силах пережить потерю, дед в тот же вечер устроил форменные поминки, напился сам, напоил зятя Виталия, и в конце концов оба рыдали на кухне, перемазав все вокруг копченой скумбрией.

С появлением деда дом и весь мир как будто обретал новые краски, новые запахи, новые звуки, совершенно для него не подходящие, но такие яркие и живые, и если Маринина мама воспринимала все это как однозначный крах, распад и катастрофу, то сама Марина тайком все время радостно удивлялась, как ребенок, который все детство провел в стерильном манеже, а теперь вдруг дорвался до восхитительной грязной песочницы. Дед рыдал по своему чемодану и причитал навзрыд, бабушка тоже начала всхлипывать, пахнуть валокордином и смотреть на Татьяну обиженным взглядом, а собака Буся просто маялась животом – годами не зная ничего, кроме правильного собачьего корма, она вдруг оказалась в раю из костей, кусков колбасы со стола и хвостов той самой восхитительной копченой «мерзости». Дочь Татьяна в тот вечер сначала поймала себя на мысли о том, что вполне готова нанести живому человеку увечья, несовместимые с жизнью, но потом прониклась, размякла, усовестилась и на следующий день в качестве извинения купила родителю новый чемодан с выдвижной ручкой и на колесиках. Дед не стал дуться и капризничать, с восторгом принял подарок, облобызал всех, кто легкомысленно попался к нему в заскорузлые объятия, и с тех пор таскал чемодан с собой везде: на рыбалку, в гаражи, в собес и на рынок. Маринина мама очень скоро пожалела о том, что дала слабину, потому что новый чемодан был воспринят дедом как абсолютный карт-бланш – после него в доме появились два разномастных колеса от мопеда, огром-

ный неработающий радиоприемник и аккордеон – нехитрое, но крайне ценное дедово приданое.

* * *

– Катя сказала, она отвезет нас в аэропорт.

– Отлично.

– Хорошо, конечно, что она сама за рулем, но носится по городу, как таксист.

– И прекрасно.

– Как-то это для девочки…

– Очень правильно и очень удобно. Ни от кого не зависит и в автобусе не толкается.

– Вот я как раз про это.

– Про автобус?

– Про «не зависит». Тебе не кажется, что Егор – все-таки не совсем то. Они уже четыре года дружат, а он все никак ей предложение не сделает. Это несерьезно.

– Марина, открою тебе секрет, они не дружат.

– Ой, не надо сейчас этих твоих шуточек.

– Тогда и говори нормально, а то стала как твоя бабушка. Катя с Егором живут вместе, как нормальные современные молодые люди.

– Не цепляйся к словам – дружат, встречаются, живут… У меня вот вчера Анна Васильевна про Катю спросила, а я даже постеснялась сказать, что они не расписаны.

А живут!

– И это проблема?

– Конечно.

– Боюсь, это твоя проблема. И проблема Анны Васильевны. Но никак не Кати и не Егора.

– И тебе, как отцу, все равно?

– Мне, как отцу, отлично. Моя дочь счастлива.

– Это все дед… Всех перепортил.

* * *

Как получилось, что у хронически хороших и правильных Марины и Алеши могла получиться такая Катя, было в семье большой загадкой. Видимо, какая-то вечно подавляемая хромосома вдруг взбунтовалась, прорвалась и манифестировала во всей красе. Правда, у Марининой мамы была другая версия – та, что ходила по дому в трусах, исполняла на аккордеоне что-то отдаленно похожее на «Амурские волны» и отвратительно влияла на и без того непростого ребенка.

Ребенок, и в самом деле, получился весьма непростым с позиции правильных правил: у Кати был твердый характер, а также явно собственный путь и способ вырастания и взросления. Ее первыми словами были не «мама» и «папа», а «не хочу!», и она всегда отлично знала, чего именно не хочет. Марина очень быстро поняла, что ее дочь вряд ли впишется в мир четких правил приличных людей, и, как оказалось,

тревожилась она не напрасно.

Все свое детство, если опираться на самые яркие и не самые приятные воспоминания, Марина провела у врачей в поликлиниках, мама с бабушкой при первых признаках бледности, кашля и любой степени недомогания тащили ее к участковому педиатру, а если тот не считал столь яркую картину опасного заболевания поводом для обширного обследования, назначения миллионов капель и таблеток и почти госпитализации, Марину запихивали в машину, где ее непрерывно тошнило, и везли к самым разным платным светилам. Ей вечно делали рентген и снимали кардиограмму, промывали миндалины, прижигали сосуды в носу, продували уши и назначали странные процедуры в кабинете физиотерапии, который благодаря интерьеру и диковинному оборудованию мог бы послужить отличной декорацией к фильмам про изощренных маньяков: там стояли железные громоздкие приборы с трубками, щупальцами, проводами и воронками для кварцевания, электрофореза, магнитотерапии и бог знает чего еще. Марина не замечала никакой разницы в своем самочувствии до и после процедур, она только ужасно потела, пока ее, упакованную, как для экспедиции по освоению далеких северных территорий, тащили до поликлиники, и умирала от скуки, пока дышала зелеными лучами из противной металлической трубки. Но мама и бабушка всегда оставались очень довольны, а значит, это были правильные, хорошие процедуры, и Марина стойко терпела. Когда

она выросла, ее перестали таскать по врачам, но детство у нее в голове накрепко сцепилось со здравоохранением, и когда она только забеременела Катей, то стала скупать градусники, спринцовки, грелки, ингаляторы и прочее крайне необходимое для спасения младенческой жизни, которой ежеминутно, ежесекундно должна была грозить опасность. Потому что так было у всех и так было правильно: дети должны были болеть и выматывать взрослым нервы, чтобы тем было что рассказать знакомым, друзьям и соседям при встрече, вдоволь гордо хвастаться тяжкой родительской долей и оправдывать свое существование. Однако, родившись, Катя сразу же принялась путать Марине все планы. Для правильной Марины, девять месяцев готовившейся к тяготам материнства, этот ребенок и впрямь оказался сущим наказанием. Как будто она, словно турецкий султан, полвека собиралась на войну, а враг попросту не пришел. За все детство Катя толком ни разу не заболела, ветрянка длилась у нее ровно полдня, никакие кашли, диатез и сопли к ней не цеплялись. Она могла абсолютно без последствий облизать перила в подъезде, слопать сосульку, обниматься с болеющими детьми в садике, идеально засыпала, прекрасно спала, просыпалась всегда веселой, ела что дадут, бегала, прыгала, хохотала над голубями и собакой Бусей, ее никогда не укачивало ни в машине, ни в самолете. В общем, она была «отличный пацан», как называл ее любимый прадедушка.

Эти двое оказались идеальной бандой, опаснейшей груп-

пировкой, вступившей в преступный сговор при первом же знакомстве. Они могли бы запросто ограбить любой банк, будь в этом необходимость, и обвести вокруг пальца кого угодно. Катя впитывала все дурацкие привычки своего прадеда и мгновенно обучалась всему, что приводило ее маму, бабушку и прабабушку в панический ужас. Им звонили из детского сада, потому что Катя пыталась чокаться киселем и говорила тосты, а когда случайно услышала, как одна воспитательница пожаловалась другой на то, что на даче случился пожар, то с сочувствием сказала: «Ну, дом сгорел, зато клопы подохли», – после чего к ним чуть было не прислали комиссию проверять жилищные условия и благонадежность родителей и прочих опекунов. Катя научилась играть на аккордеоне, когда была еще почти с него ростом, у нее тут же заподозрили абсолютный слух и отдали в музыкальную школу. Разумеется, гордый дед взялся лично водить ее туда – ведь именно его заслугой было виртуозное Катино исполнение его собственной версии «Амурских волн», но, когда спустя полгода бабушка встретила на улице знакомого преподавателя по классу аккордеона и поинтересовалась успехами правнучки, оказалось, что той не было ни на одном занятии. При этом три раза в неделю они с дедушкой Геной исправно исчезали из дома как минимум на два часа, а иногда уходили и на дополнительные уроки сольфеджио по воскресеньям. Бабушка в недоумении попрощалась с педагогом и помчалась домой, бушуя и закипая от негодования, а по до-

роге стала перебирать странности, которые замечала за своим непредсказуемым венчаным супругом в последнее время: он вдруг стал покупать дорогие продукты, импортные виски и бренди вместо водки, приобрел в центральном магазине пиджак, шатался по квартире в новом пиджаке и трусах с крайне довольным видом и почти каждый вечер заводил разговоры о том, что скоро повезет всех своих родненьких на море. Учитывая, что из имущества у него был только злосчастный чемодан, колеса, приемник и аккордеон, а пенсия совершенно нищенская, это были довольно странные планы. Но море так море. Надо сказать, что с воскрешением дедушки бабушкина водная фобия резко пошла на убыль, она даже разрешила записать Катю на малышовое плавание в садике, лишь бы тема воды больше не всплывала в разговорах. На дедушкины обещания бабушка только улыбалась, но сейчас разволновалась не на шутку. Она ворвалась в квартиру, разбудила похрапывающего на диване деда и принялась вытрясать из него чистосердечное признание. Примерно в это же время Алеша возвращался с Катей из детского сада и задержался у подъезда, разговорившись с соседом. Катя пошла поиграть в песочнице, рядом под деревянным «грибком» резались в карты какие-то мужики. Алеша сразу и не понял, что и кому говорит его шестилетняя дочь, а обернулся только на восторженные возгласы.

– Валетом ходи, а туза прибереги, – сказала в этот момент Катя, и ее отец чуть было не свалился в обморок.

С музыкальной школой ни в тот раз, ни потом так ничего и не вышло, зато выяснилось, что маленькая девочка с трогательными косичками виртуозно овладела всеми популярными азартными карточными играми и запросто могла утереть нос любому шулеру. Ничего удивительного: три раза в неделю они с дедушкой отправлялись играть в карты на деньги в местное подпольное казино – к мужикам в гаражи. Дедушкины финансовые дела быстро пошли в гору, ставки текли рекой – никто не верил, что такая пигалица может выиграть у взрослых, да еще с такой легкостью. Катя была ужасно расстроена, когда ей сообщили, что никаких «музыкальных занятий» с дедушкой Геной больше не будет, но разлучить их все равно не смогли, так что к семи годам она запросто открывала кухонным ножом консервные банки, ловко управлялась с паяльником и насаживала на крючок червей, в десять лихо водила мопед, а к тринадцати и машину. Кто знает, может, к ее пятнадцатилетию они с дедом собрали бы собственный вертолет и улетели бы подальше от правил приличных людей, но дедушка тогда был уже далеко. Когда Кате исполнилось тринадцать, он тихо умер во сне от сердечного приступа. Больше всех по нему плакала дочь Татьяна, а бабушка, став вдовой во второй раз, организовала отпевание и пышные похороны и больше уже никогда не надевала розовых халатов с жуткими цветами и легкомысленными кисточками. Дом снова сделался правильным и стериль-

ным, а она опять стала строгой и справедливой, матриархом на страже своей семьи. Выждав сорок дней после кончины Геночки, бабушка принесла в дом икону святого Исидора. Наверное, потому что однажды он ей уже помог, а в правилах приличных людей не было ни слова о том, что чудеса не случаются дважды.

* * *

– Мама сказала, чтобы мы каждый день звонили. И писали. Папу же кладут на обследование.

– Что с ним такое?

– Покалывает в груди или под ребрами. И одышка. И еще голова болит.

– Со мной каждый день такое.

– Так, может, и тебе надо провериться?

– А на что его проверяют?

– Ой, там целая история. Бабушка сказала маме, что это очень похоже на аневризму и что, мол, папина мама, когда была жива, говорила ей, что у них в семье это наследственное, что, мол, ее брат, то есть папин дядя, умер от аневризмы совсем молодым. Мама, конечно, испугалась и записала его на обследование. Ему сначала ничего не сказала, просто диспансеризация. Но сама так нервничала, что вчера аж расплакалась, папа испугался и заставил ее все рассказать.

– И что?

– Да ничего. Бабушка опять напутала. Папин дядя погиб в аварии, никакой аневризмы у него сроду не было. Но не отменять же теперь обследование. Пусть проверится.

– Пока у нас есть бабушка, скучно не будет. Надо скорее уезжать, пока она нас с тобой проверять не кинулась.

– Она нам, кстати, подарила оберег в дорогу, вот, смотри.

– Это что? Кольцо? «Спаси и сохрани»? Ты серьезно?

– Ну да…

– Марина! Только бабки такое носят!

– Никакие не бабки! Это, между прочим, защита! И бабушка подарила, оно золотое, к твоему сведению!

– А нечистая сила боится 585-й пробы?

– Алеша! Не надо ерничать!

– И каким, позволь спросить, образом мы должны защищаться при помощи этого кольца? Что с ним делать в случае опасности? Проглотить?

– Вот что ты за человек! Все равно я его надену. Бабушка же…

* * *

Заседания книжного клуба проходили раз в месяц в учительской.

– Мариночка Витальевна, – окликнула ее в коридоре за-

вуч Наталья Сергеевна в начале прошлого учебного года.

Марина резко остановилась и вся сжалась в предчувствии дополнительных занятий с отстающими, второй смены, генеральной уборки или еще одного дежурства в выходные, но все оказалось вовсе не так плохо.

– Помните, дружочек, – заговорщицки начала Наталья Сергеевна, лучезарно улыбаясь, пребольно вцепилась Марине в локоть и потащила ее дальше по коридору. – На Новый год, на празднике, Людмилочка Матвеевна предложила прекрасную идею!

– А-хм-а… – выдавила Марина, потому что из всех прекрасных идей Людмилы Матвеевны смогла припомнить только предложение сходить в супермаркет и купить еще сладкого игристого, однако вряд ли Наталья Сергеевна говорила именно о нем, потому что тогда все закончилось почти катастрофой – компанию Людмиле Матвеевне чересчур бодро вызвался составить Юрий Петрович, учитель физики, который на тот момент состоял в близких отношениях с Диной Вадимовной, учительницей географии. В общем, педагогический коллектив в тот вечер остался без игристого и чуть было не остался без преподавателя физики.

– Она тогда выступила с инициативой создать у нас собственный книжный клуб! – просияла Наталья Сергеевна, а Марину вдруг охватила радость и даже почти восторг – вероятно, потому что неприятности в виде дежурств и поездок в роно на этот раз ее миновали, организм выдал ей внеоче-

редную порцию дофамина.

– Какая прекрасная идея! – подхватила она. – Совершенно замечательная!

Хорошо, в этот момент она сделала крохотную паузу, чтобы вдохнуть, иначе уже спустя минуту выглядела бы идиоткой и выскочкой, посмей она высказать свое пожелание.

– Именно! Именно так, – елейно пропела Наталья Сергеевна. – А вести его будет Алиночка.

Видимо, этот день решил окатить Марину Витальевну максимально широким спектром эмоций, потому что теперь щеки у нее залило румянцем, а дыхание сбилось от разочарования, возмущения и вскипевшего было чувства несправедливости, которое, впрочем, очень быстро привычно откатило назад.

– Алиночка, – повторила Наталья Сергеевна, окончательно заколачивая маленький гробик надежды Марины на желанную роль ведущей книжного клуба, – моя племянница. Ну вы ее помните, она как раз в этом году оканчивает литературный институт, и ей очень нужна практика, вы же понимаете.

– Да-да, – кивнула Марина, понимая.

– А еще она сейчас учится на дополнительных курсах литературных критиков. Очень модные курсы, там еще ведет этот… да как же его… совершенно выпал из головы… подскажите, дружочек, ну, у него еще книга про скелеты там, рога какие-то… динозавры, что ли…

– Кадавры, – тихо сказала Марина Витальевна, глядя в линолеум.

– Очень хорошая девочка, очень умненькая, – с гордостью подвела итог Наталья Сергеевна. – В общем, начинаем со следующего вторника, будем встречаться раз в месяц. Пойду порадую остальных коллег.

Так начались Маринины мучения. Каждый второй вторник каждого месяца она, человек, выросший в правилах, впитавший правила и не мысливший жизни без правил, указаний и указателей, страдала, как на эшафоте, маялась, терзаемая этими самыми правилами, материализовавшимися в учительской в виде племянницы авторитарного завуча, старательно заготавливающей для нее самые изощренные виды пыток, практически казнь. Пусть и не буквальную, но кто знает, что было бы хуже.

В первый раз Марина примчалась на заседание книжного клуба, еще ничего не подозревая, предвкушала, радовалась, готовилась и даже записала в блокнотик список книг, которые ей хотелось обсудить с коллегами и блеснуть эрудированностью – одну из них она прочла на языке оригинала. Про Алиночку она как-то забыла, книжки вытеснили из ее головы племянницу Натальи Сергеевны – клуб ведь был ради книг, а Марина любила читать. Ей хотелось делиться, спорить, размышлять, восхищаться, а иногда и критиковать самую чуточку – она ведь имела на это право как опытный

и посвященный читатель.

В учительской галдели, смеялись, звенели чашками, шумел электрический самовар, кто-то громко разговаривал по телефону, объясняя ребенку, где именно найти в морозилке пельмени: учительские дети редко видели мам, зато отлично самостоятельно готовили, стирали и убирали с самого раннего возраста. Вероника Альбертовна поливала цветы на подоконниках, Валерия Викторовна дула, прищурившись, в пустую сахарницу, пытаясь избавиться то ли от остатков сахара, то ли от накопившейся за лето скончавшейся там моли. Пахло яблочной шарлоткой, мелом и половой тряпкой – началом учебного года.

– Мариночка Витальевна! – бросилась к Марине навстречу преподаватель домоводства.

– Здравствуйте, Валентиночка Викторовна! Как вы загорели! Ой, и Верочка Васильевна здесь!

– И Евгеничка Пална тоже придет!

– Да что вы говорите! Как славно!

Это тоже было из внутреннего негласного свода правил педагогического коллектива: все знали друг друга вдоль и поперек, но обращались непременно на «вы», даже если встречались на рынке, в бане и на вечеринках, и единственным послаблением и признаком допуска в тайный учительский орден были уменьшительные формы имен, употребляемые, однако, исключительно с отчествами.

– А где же Вероничка Альбертовна?

– Будет-будет, и не одна, а с пряничками.

– Вам кофейку, Олечка Семеновна?

– Нет, давайте чайку, раз уж все чаек, то и я тоже. У меня и затылок что-то ноет, вдруг давление. Гляньте, щеки у меня не красные?

– Да вы красавица, красавица, персик наливной!

– Ой, какие туфельки у вас, Галиночка Дмитриевна.

– Да что вы, носила в прошлом году уже.

– Что вы говорите! Как же я не заметила? Хорошенькие какие и так на ножке сидят! Ну крошечная ножка, совершенно крошечная.

– А Галиночка Дмитриевна у нас вообще дюймовочка.

– И не говорите, Диночка Вадимовна.

– Можно мне вон тот кусочек? Нет, который поменьше, там еще яблочко пригорело, я так люблю. А прямо сюда давайте, я на салфеточку положу.

– Так вот же блюдечки принесли. Не крошите, Олечка Семеновна, вот блюдечко же, держите, я протерла полотенчиком.

– Добрый вечер! – раздалось с порога, и сначала Алину никто не услышал, но она решительно прошагала к столу, плюхнула на стул серый рюкзак и повторила: – Добрый. Вечер.

Следом за ней в учительскую почти на цыпочках просочилась Наталья Сергеевна, тот самый завуч, а по совместительству тетушка литературного дарования. Вид у нее был

слегка встревоженный, если не сказать растрепанный.

– Ой, Алиночка! – подскочила Вера Васильевна. – Здравствуйте, милая. Присаживайтесь, сейчас мы вам чайку нальем. Пирожочка хотите? У нас и пряники есть, и конфеты. Наталичка Сергеевна, рады вас видеть. Какое платье у вас нарядное, как же вам синий идет! Так празднично, правда, коллеги?

– У нас не праздник, и мы не в столовой, – выдала вдруг племянница завуча с пронзительно- серьезным видом и покашляла, будто намеревалась не книжки обсуждать, а собирала единомышленников для подрыва чьих-то опасных устоев. И это было, очевидно, делом чрезвычайной важности. От нее почему-то пахло лежалым табаком и еще чем-то затхлым. – Давайте начнем первое заседание. Предлагаю выбрать название нашего книжного клуба.

– Как хорошо мы это придумали, книжный клуб, – защебетала Галина Дмитриевна, все еще не воспринимая странности происходящего всерьез. Остальные, однако, почувствовали неладное. Дина Вадимовна тихо опустилась на стул и потянула за рукав Марину Витальевну, Валерия Викторовна прищурилась, как только что, глядя в сахарницу. Все притихли и с недоумением переглядывались.

– Я предлагаю название «Терра ностра», – без малейшей улыбки на лице продолжила Алина.

– А чего не «Коза ностра»? – раздался в дверях мужской голос. – Здрасьте, коллеги! По мне, так нам как раз «Коза

ностра» больше подойдет, ага? И авторитетно, опять же, и…

– Вы кто? – все так же бесстрастно спросила Алина.

– Николай Николаевич, химик местный…

– Вы не допускаетесь до участия в книжном клубе, – перебила его Алина. Николай Николаевич остолбенел, все остальные окончательно замолчали, и только Наталья Сергеевна вдруг быстро махнула ему рукой – сначала одной, а потом начала махать сразу обеими, отчаянно изображая «уходите!»

– Итак, «Терра ностра», – повторила Алина, проводив недобрым взглядом преподавателя химии, который удалился, с недоумением пожав плечами и прихватив с собой кусок пирога и пару пряников. – Мне кажется, это название отражает сам смысл и посыл такого объединения, как современный книжный клуб.

Собравшиеся по-прежнему молчали, никто не понимал, как себя вести, потому что желание у всех было только одно – выставить взашей эту девицу, с ее рюкзаком и прокуренным запахом, налить наконец чаю, снять под столом туфли и вдоволь поговорить хоть о книжках, хоть о чем. Но порядочные, правильные люди не могли так поступить, а уж педагоги тем более, поэтому все промолчали, а Марина Витальевна кивнула и постаралась бесшумно пристроить на край блюдечка чайную ложку.

– Я вижу, возражений нет, – продолжила серая племянница. – Проведем опрос. Кто из вас хотел бы предложить для

обсуждения книги? Кто из вас читал интересную, глубокую и желательно современную литературу в последнее время?

Повисла пауза, а потом Людмила Матвеевна тихонько прокашлялась и сказала:

– Я как раз хотела предложить хорошую книгу, шведский детектив…

– Мы говорим о серьезной, глубокой литературе, – перебила ее Алина.

– А чем плохи детективы? – неожиданно дерзнула Ольга Семеновна.

– У нас нет на них времени, – объявила Алина и посмотрела на Ольгу Семеновну как на безнадежную умалишенную. – Сейчас, в нынешних обстоятельствах, у думающих, прогрессивных людей нет времени на легкую жанровую литературу, на беллетристику. Хотя вы, конечно, смотрите сами, вам виднее, это ваш книжный клуб, но меня пригласили его вести, и я рассчитывала на ваше доверие, на ваше уважение, на соответствующий уровень, – она неожиданно стала набирать обороты, повышая и без того неприятный скрипучий голос.

– Ну-ну, – тихо сказала Наталья Сергеевна, как будто притормаживая взбесившуюся лошадь. – Ну-ну, Алиночка, ну-ну, – и испепелила всех взглядом.

– В нынешних обстоятельствах, – продолжала Алина, – мы должны углубиться в изучение современной актуальной литературы, которая вскрывает нарывы, срывает маски, обнажает социальную проблематику! Вы хоть представляете

себе, сколько проблем назрело в современном обществе? Сколько из них замалчивается?

Все покорно закивали, не произнося ни звука.

– Если вы, конечно, хотите навечно застрять на полке легкой литературы и не планируете развиваться, то я не стану вам этого запрещать. Пожалуйста, давайте обсуждать примитивную сентиментальную прозу. Или дешевые детективы.

– Нет-нет, ну что вы, – сказала Валентина Викторовна. – Мы полностью с вами согласны, мы – педагоги, мы должны стоять на страже… так сказать, современной проблематики и социальных… нужд…

– Я рада, что нашла понимание и позитивный отклик, – резко выдохнула Алина, порылась в рюкзаке и объявила: – Тогда книгой следующего месяца я предлагаю выбрать… – Она вытащила толстый кирпич в измятой мягкой обложке, залепленный пластиковыми закладками. – Вот. «Батиаль», книга очень популярной авторки Алеси Брыкиной. Она только что получила премию «Прорыв», сейчас у нее целых пять номинаций и два шорт-листа. Это глубокое произведение о том, как сложно в современном мире найти себя уникальной личности, как тяжело выжить глубоко травмированному человеку, это книга-поиск и прекрасный образец работы автора, который как никто, да, практически никто из современных авторов, пишущих по-русски, умеет сделать читателю так больно. А ведь в этом весь смысл, не так ли? Все записали название? Тогда на сегодня, полагаю все, до встре-

чи ровно через месяц.

Алиночка запихнула «Батиаль» обратно в рюкзак, рюкзак забросила за плечо и, не попрощавшись, вышла из учительской. Наталья Сергеевна ухватила сумку и помчалась за ней, быстро махнув всем на прощание. В учительской повисла мертвая тишина.

– И что ж нам с этим прикажете делать? – спросила в «никуда» Ольга Семеновна.

– А чем все-таки плохи детективы? – сказала Людмила Матвеевна, когда шаги в коридоре окончательно стихли. – Достоевский тоже, между прочим, писал триллеры. А то и вообще… бульварные романы.

– Вот-вот, – добавила Галина Дмитриевна. – А Шекспир комедии. Жанровая вполне себе литература.

– Да ладно вам, коллеги, – выдохнула Вероника Альбертовна, – давайте уже чай пить и сходите посмотрите кто-нибудь – вдруг Николаш Николаич наш недалеко ушел. Может, и справимся с ней. И не такое, знаете, на наши головы сваливалось. Глядишь, и вытерпим, не так страшно все и окажется. Сколько ей месяцев практики нужно, этой Алине? Ради расписания можно потерпеть, правда? Наталь Сергевне тоже вон не сладко, видать. Ишь, как она за ней поскакала. Господи, а платье-то она сегодня напялила под стать мероприятию, честное слово, аж все вокруг синюшное стало. Но, может, все и выправится…

Но все оказалось как раз страшно, скучно и муторно, и каждый раз перед заседанием книжного клуба у Марины возникало ощущение, будто она увязла в расплавленном асфальте. Каждая новая книжка, категорично рекомендованная Алиной, была вязкой и прогорклой, как разогретый битум, вставала поперек горла саднящей рыбьей костью и не давала покоя, причем даже не унылым своим содержанием или пустым сюжетом, а самой необходимостью ее читать, мучить себя, продираясь через непролазную темноту и давящее чувство, странный стиль и события, которые кто-то как будто разбил бульдозером на неподъемные глыбы и расшвырял по несчастной книге, подчиняясь только правилам абсолютного хаоса. Да и герои выбранных Алиной книг тоже вызывали у Марины сплошные вопросы: в той самой «Батиали» травмированная уникальная личность была сорокалетним пьющим бездельником, который целыми днями валялся в съемной квартире на драном матрасе, заваленном старыми газетами, в алкогольном бреду видел себя героем этих самых газетных статей, путешествовал в пространстве и во времени, с трудом выбирался оттуда живым и, очнувшись, сваливал вину за все беды на свою несчастную мать, которая, видите ли, в детстве недостаточно прислушивалась к его внутренним талантам. Он размышлял о суициде, примерялся к подоконнику, цеплял петлю к турнику в дверном проеме, даже как-то выпил перекись водорода, которую автор, вероятно, посчитал достаточно сильным ядом, издевался над пси-

хологом, чьи услуги оплачивала та самая ужасная мать, досаждал всем остальным персонажам книги, но больше всего, как казалось Марине, действовал на нервы ни в чем не повинным читателям. Ужаснее всего было то, что почти во всех книгах, которые заставляла их читать Алина, не было нормальной концовки, как будто все эти правильные, социально активные и общественно ответственные авторы, коронованные премиями и шорт-листами, понятия не имели, зачем они завели всю эту нудную канитель и что им делать с героями, и просто бросали их – все равно где, но лучше примерно в конце пятисотой страницы, когда читатели и сами начинали перебирать способы покончить с жизнью. Марина была совершенно согласна с тем, что делать больно у этих писателей получалось просто прекрасно, но еще ей казалось, что никто из них совсем, ничуть и не капельки не любил ни свои книги, ни этих героев, и писали они только ради этих самых модных шорт-листов. Только однажды она посмела высказаться на книжном клубе, потому что терпеть ей в очередной раз стало совершенно невыносимо. Она подняла руку, как на уроке, и спросила, почему в повествовании нет никакой логики и ради чего герою претерпевать трансформации, после которых на самом деле лучше всего бы спрыгнуть с моста, лишь бы не портить своим присутствием ни жизнь окружающих, ни общество в целом.

– А как вы читали эту книгу? – прищурилась на нее Алина.

– Как обычно… – замялась Марина. – Как книгу. Это же книга?

– Нет, вы меня не поняли. – Алина прищурилась еще сильнее. – Вы читали ее как городской социальный роман, или как триллер, или как фэнтези, или, может, как антиутопию?

– Я читала ее как книгу, – повторила Марина, готовая расплакаться.

– Тогда все понятно, – вынесла вердикт Алина. – Все ясно. Вы просто не умеете читать. Вы явно читали ее как детектив или что вы там еще любите, а вот если бы вы читали ее как городской мистический реализм, то вполне могли бы получить удовольствие.

* * *

– Алеша?

– Что?

– Скажи, я глупая?

– С ума сошла? Я уже засыпал. Давай спать, ну пожалуйста.

– Ты можешь честно мне сказать, я что, глупая?

– Да тише, Марина. Ты, конечно, с дурнинкой, но с чего ты вдруг глупая? Тебе пять лет? Что случилось вообще?

– Алина на книжном клубе…

– Начинается. Я так и знал! Зачем ты вообще туда хо-

дишь, если потом каждый раз перепаханная? И к книжкам это никакого отношения не имеет. Почему вы не пошлете уже эту Алину куда подальше? Оно вам надо?

– Потому что Наталья Сергеевна! И расписание, и вообще, как я не пойду-то?

– Ну, терпи тогда. Не знаю, вставь наушники, сиди и улыбайся.

– Алеша?

– Что?

– Почему просто добрая книжка – плохая? В смысле, не где все непременно хорошо и все добренькие, но такая, от которой мне потом лучше? И не хочется повеситься.

– А кто тебе сказал, что она плохая?

– Критики, например. Они же не пишут про книжки, которые просто… хорошие. Вот, помнишь, я тебе рассказывала ту историю про старичка, который ночью урну своей жены откопал, потому что обещал ей поехать в путешествие, а она умерла, но он же обещал, и он ее откопал и поехал, там еще девочка…

– Помню, Катя тоже читала.

– Я ее предложила на книжном клубе, а Алина меня испепелила и чуть не выгнала. Сказала, там проблемы с композицией, незрелый автор и плохие отзывы у критиков. А мне надо не отвлекаться на проходные книжки и обратить внимание на социальную тематику.

– Слушай, ну у критиков, может, свои какие-то правила.

– Но они же тоже люди.

– Так, может, они как люди читают себе детективы и истории про старичков, а по работе пишут про вот это. Про этих ваших… героев в поиске.

– Алеша?

– Ты мне сегодня дашь поспать?

– Так я глупая?

– Нет.

– Тогда скажи мне, потому что я не понимаю, ведь человек, который продал и пропил обручальное кольцо своей матери, не может быть положительным героем. Потому что он – говно. Даже если он при этом закрыл гештальт и решил проблемы с детскими травмами. И у него арка.

– Триумфальная?

– Героя. Арка героя. Он же все равно гадкий человек. Мерзкий. А мама у него несчастная и всю жизнь старалась. Я не буду ему сочувствовать и не буду стараться его понимать, потому что он даже не попытался сделать ничего хорошего. Он вообще ничего не попытался сделать. А таскаться со своими обидами в сорок лет – тот еще, знаешь ли, подвиг. Я не хочу таких героев. И не надо мне объяснять, что я както не так читаю, потому что книжка – она или плохая, или хорошая, а герой, который валяется на газетах и крадет у матери последнее кольцо, – плохой. И нечего тут понимать.

– Ну и прекрасно. Все разложили по полочкам, и давай спать.

– Просто у них там другие какие-то полочки и другие какие-то правила. Я не понимаю. Наверное, я просто глупая. И мне ужасно хочется оттуда сбежать.

– Так ты во вторник не пойдешь?

– Ну что ты такое говоришь, как я могу не пойти…

Часть 2
Разбег

В какой-то момент ей показалось, что они вообще никогда никуда не уедут, так она устала от бесконечно зудящих со всех сторон предостережений бабушки, от трагично сдвинутых бровей мамы, которая с того момента, как узнала о предстоящей поездке, делала лицо, будто Марину с Алешей забирают на чужбину на каторгу. Марине казалось, они не улетят, потому что в последний момент что-то пойдет не так, кто-то заболеет, они опоздают на самолет, перепутают время вылета или аэропорт. Она не могла найти себе места всю дорогу в поезде до Москвы, сто раз перебирала содержимое сумки и косметички, доставала папку с ксерокопиями всех документов, включая свидетельство о собственности на квартиру, которые на всякий случай посоветовала сделать мама, снова убирала все в сумку, опять проверяла время вылета и терминал аэропорта, пересматривала содержимое дорожной аптечки размером со средний рюкзак, открывала книжку, но читать не получалось – она застревала на одной и той же странице, а потом снова начинала все перепроверять. Потом Марина вдруг решила, что их не пропустят на границе, задержат на паспортном контроле, и в голове у нее разом всплыли сразу все фильмы про контрабандистов и перебеж-

чиков с особенно яркими сценами задержания. Так она накрутила себя до того, что в очереди на границе ее начал бить озноб, она была готова расплакаться, задыхалась, пошла пятнами и так истово озиралась по сторонам, что Алеша прошипел:

– Что случилось?

– Я что-то забыла.

– Мы сто раз все проверили, Марина. Перестань трясти паспортом и сама, пожалуйста, не трясись, люди подумают, у тебя психоз.

– Вдруг нас задержат? – выдавила она трагическим шепотом.

– С чего бы им нас задерживать?

– Не знаю, аннулируют визу, скажут, что ты, например, невыездной! Вдруг у тебя был доступ к государственной тайне?

– Это когда же у меня был доступ к государственной тайне? И к какой именно? По-твоему, когда я работал на молкомбинате? Милая, я не думаю, что кого-то настолько сильно интересует простокваша. Там главная тайна была в том, как ее вообще умудрялись продавать.

– Тогда, может, в армии?

– Что в армии? Я там был сто лет назад.

– Ты проверял? А надо было зайти, не знаю, на сайт военкомата или МВД, например. Вдруг у тебя тогда был доступ? А правила поменялись, и ты теперь невыездной. Что там бы-

ла за воинская часть?

– Там у меня был доступ в основном к метлам и лопатам. Хватит себя накручивать и дергаться, люди уже смотрят. Мы сейчас пройдем контроль, сядем в кафе, я тебе закажу коньяку. У нас же отпуск, Марина! Отпуск! Ну, улыбнись, пожалуйста.

– А если у нас какие-нибудь неоплаченные штрафы?

– Какие штрафы? За что, например?

– За превышение скорости, за парковку, за… вдруг мы за квартиру заплатили не вовремя, а у них покажет? Я вот слышала, у них тут показывает как-то через Госуслуги, и сразу все видно, у кого какие задолженности, и за них могут не выпустить. Интересно, а за них правда могут не выпустить? Дай мне телефон, я позвоню маме.

– Какой маме? При чем тут твоя мама? Мама прямо образчик бывалой путешественницы, ни разу за границей не была.

– Зато она все читает и смотрит все новости, дай телефон.

– Вон на кабинке наклейка, видишь, телефон перечеркнут, тут нельзя звонить. Успокойся, пожалуйста. Может, тебе валерьянки надо было выпить?

– Я выпила. Что ты думаешь, я не выпила? Выпила. И пустырник, и новопассит еще.

– Любой бы человек на твоем месте сейчас просто радовался. Прыгал до потолка. Мы в отпуск летим, Марина! Вдвоем! Без детей и вечных советчиков.

– И что надо говорить?

– Кому? Мне? «Спасибо тебе, мой любимый, что придумал такое замечательное путешествие!»

– Да не тебе! Если сейчас спросит пограничник? Цель поездки какая у нас?

– Частная.

– Не деловая?

– Не деловая. Мы едем в отпуск.

– Точно частная? Ты же будешь там по делам с людьми встречаться, может, надо про это сказать? А то вдруг потом узнают и… Ой, лампочка загорелась, иди первый! И меня там подожди!

– Пойдем вместе. Да пойдем же, Марина, ну что ты как парализованная. Сейчас скажу, что везу малахольную жену на лечение.

Пока они стояли у окошка на границе, она смотрела на людей вокруг и вдруг удивилась, сколько тут молодых, совсем детей, но они вели себя так спокойно и уверенно, как будто были намного взрослее нее самой, маленькой сорокалетней девочки, у которой, похоже, никогда не было юности, да и взрослой она себе не казалась. Как будто, вывалившись в этот брак прямиком из детства, они с Алешей попали в какую-то созависимость и сразу стали друг другу родителями, с вечными замечаниями и умными советами, спаянными сообщающимися сосудами и всезнающими старичками. Она знала, что давно уже взрослая, но сейчас ей все равно ужас-

но хотелось позвонить маме. А еще где-то в затылке вдруг засвербела крошечная мысль: когда же и куда все-таки подевалась ее собственная молодость. Не могла же она ее совсем не запомнить и даже не заметить, как эта самая молодость стремительно пронеслась мимо?

Когда они наконец добрались до кафе, Марина с трудом дышала и почти ничего не видела от слез. В зоне досмотра ее сначала попросили разуться, а потом достать из сумочки ручку в металлическом футляре, которая подозрительно выглядела при просвечивании, и вот это стало последней каплей – Марина начала возмущаться, объяснять, что она педагог, что это ее рабочий инструмент, она ставит оценки в журнал, и ручка должна быть именно такая, и ее подарили ей на юбилей школы, потому что она уважаемый заслуженный преподаватель и не потерпит такого унижения и обиды. В тот момент, когда она начала грозить пальцем и почти дошла до обвинений сотрудников таможенной службы в произволе, Алеша сгреб ее в охапку вместе с вещами и вытащил в нейтральную зону.

Наверное, то же самое чувствуют все чересчур правильные праведники, оказавшись в раю, до последнего сомневавшиеся, достойны ли они этого рая и даже вступавшие по этому поводу в споры с архангелами. Наверное, они тоже зажмуривают глаза и боятся глотнуть воздуха, но потом все-таки заставляют себя это сделать и задыхаются от восторга –

ведь когда испытания остаются позади, все вдруг оказывается намного ярче, чем в обычной земной жизни: и воздух намного слаще, и запах настоящего рая, и вокруг есть все, чего можно только пожелать: одним словом, зона дьюти-фри.

Но Марина проковыляла по райским кущам, не глядя на витрины, – она почти ничего не видела, в ушах у нее посвистывало, перед глазами было темно, только время от времени вспыхивали красные пятна. До вылета оставалось еще больше двух часов, они, разумеется, приехали слишком рано. Алеша усадил ее за столик в кафе, у огромного панорамного окна, громко выдохнул, сам плюхнулся на диванчик и уставился в меню.

– Я позвоню маме, – прошелестела Марина.

– Конечно, – максимально спокойно ответил ее муж, хотя напряжением в его голосе можно было уже запитывать небольшую подстанцию. – Будьте добры, нам, пожалуйста, кофе и по пятьдесят граммов коньяка, – попросил он девушку в форменной футболке.

– Чай, – почти всхлипнула Марина и тут же сказала в телефон: – Мама!

– Что случилось? – мгновенно откликнулась родительница. На заднем плане явно суфлировала бабушка. – Что-то произошло? Вас сняли с рейса? Я так и знала!

– Все хорошо, – выдохнула Марина. Она рассчитывала на мамину поддержку, а никак не на то, что ей самой придется всех успокаивать. – Мы уже прошли контроль, и паспорта у

нас проверили, да, мама, и визы в порядке. Мы в кафе. Сидим. С Алешей, да, его тоже пропустили. Нет, еду мы не заказывали. – Она выразительно помахала головой в ответ сначала на возмущенный, а потом вопросительный взгляд мужа. – Да, я помню, на вокзалах и в аэропортах нельзя ничего есть, потому что можно отравиться. Да, я помню, бабушка рассказывала, как Зинаида Ефимовна чуть не умерла, когда летала к внукам. А, все-таки умерла… Как жаль.

Алеша закатил глаза, она отвернулась от него к окну и прикрыла телефон рукой.

– Мама, все хорошо, честное слово. Да. Нет. Пожалуйста. И скажи бабушке, что мы не будем тут ничего есть.

– Только пить, – сказал Алеша и подвинул к ней коньяк. Марина, не глядя, проглотила его одним глотком, даже не поморщившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.